

ВАДИМ ПАНОВ

ХАСОВЕРШЕНСТВО

ВЫХОД
ЗДЕСЬ!

· АНКЛАВЫ ·

Анклавы

Вадим Панов

Хаосовершенство

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2010

Панов В. Ю.

Хаосовершенство / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2010 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-43821-1

Хаос овладевает миром. Он поглощает государства и Анклавы, и даже всемогущая СБА не способна с ним справиться. Хаос овладевает умами. И вот уже запуск Станции — новой надежды человечества — грозит обернуться мировой катастрофой. Как остановить Апокалипсис? Последователи сетевого пророка уверены, что только Цифра приведет цивилизацию к процветанию и свободе. Верхолазы в растерянности. Главы правительств пытаются сохранить власть. А антиквар Кирилл Грязнов собирает в одну команду легендарного ломщика, талантливого механика, гениального инженера и свою дочь Патрицию — Избранную, способную разговаривать с Богами. Но лишь тогда, когда Копье пронзит сердце Земли, вновь запустится Вечное Колесо и мир сделает первый шаг от Хаоса к Совершенству.

ISBN 978-5-699-43821-1

© Панов В. Ю., 2010

© Эксмо, 2010

© Панов Вадим, 2010

Содержание

Пролог	5
Август	8
Июнь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вадим Панов

Хаосовершенство

*Лишь почитая богов и
Храмы побежденных,
Спасутся победители.*
Эсхил. «Агамемнон»

Пролог

Жизнь есть движение.

И оспаривать эту аксиому столь же глупо, как опровергать существование земного притяжения. Любители почесать языком, разумеется, находятся, но ничего, кроме снисходительной улыбки, их потуги не вызывают.

Жизнь есть движение.

Мы живем только потому, что постоянно движемся, причем как в прямом смысле этого слова: убегая и нападая, работая и занимаясь спортом, так и в переносном: постоянно развиваясь, совершенствуясь, познавая новое и, соответственно, поднимая себя на более высокую ступень развития. Мы не останавливаемся. Мы стремимся вперед. Мы движемся.

Но в то же самое время умение оставаться неподвижным, а значит – незаметным, играет весомую роль в спектакле повседневности. Оно одинаково полезно и военному, и охотнику, и хищнику, и тому, кто занимает в пищевой пирамиде местечко пониже. Терпеливый крокодил обеспечит себе сытный ужин, а притихшие под кустом зайчата избегнут встречи с голодной лисой.

И Олово, который мог посостязаться в скорости и с крокодилом, и с гепардом, в совершенстве владел искусством сохранять неподвижность.

Невысокий, на первый взгляд – щуплый, затянутый в маскировочный комбинезон армейского образца, он принял к толстой ветке, нависавшей над оленьей тропой, и не шевелился, ожидая, когда небольшое стадо, что мирно паслось в полукилометре к северу, соберется на водопой. Когда и как олени пойдут к реке, Олово знал точно – за последние месяцы он досконально изучил повадки местной живности. Еще полчаса, максимум минут сорок, и вожак, голову которого украшали массивные красноватые рога, привлечет к себе внимание коротким ревом. Выждет, убеждаясь, что услышан всеми, и важно ступит на ведущую к реке тропу. Следом потянутся окруженные телятами самки, а в арьергарде – молодые бычки, одного из которых ждет приглашение на ужин. Седло черного оленя, приготовленное в «тулупе» из ароматных трав, Олово считал вкуснейшим в этих краях лакомством.

При мысли о предстоящем пиршестве охотник едва заметно улыбнулся, однако в следующий миг насторожился – вожак издал тревожное мычание.

«Что случилось?»

Заметить притаившегося на дереве врага олени не могли, к тому же засаду Олово устроил с подветренной стороны, а значит... Еще один сигнал рогатого, и охотник понял причину тревоги: на расположенный к северо-западу каменистый пригорок медленно и важно поднялась пятнистая кошка.

«Соседка!»

Ужин отменяется? В первый момент показалось именно так – встревоженные олени бросились на восток, однако припустившая с пригорка пятнистая отрезала стаду путь на равнину, и вожак повернул на юг, к кустам, редким деревьям и... к Олову.

Охотник подобрался.

Прыгать на удирающего от хищника зверя задача не из простых, однако Олово в себе не сомневался. А о том, чтобы жертва оказалась под деревом, позаботилась кошка, совершившая резкий рывок, заставив стадо еще раз изменить направление.

«Сейчас!»

Вожак и самки с детенышами пробежали правее, через кустарник и по высокой траве. А вот умные молодые бычки устремились на тропу: по ней ведь легче, быстрее, а значит – безопаснее.

Двое, трое, опять двое...

Олово дождался последнего в группе бычка, смертоносной тенью соскользнул с ветки, ловко оседлав жертву, и тут же, не давая перепуганному оленю опомниться, взмахнул ножом. Располованное горло оросило мир горячей кровью, бычок покатился по земле, а Олово, за мгновение до того спрыгнувший с его спины, подскочил и прижал дергающуюся в последних судорогах жертву к земле.

– Всё, всё... – то ли пытался утешить, то ли просил прощения. – Всё...

Приглашение на ужин доставлено.

Стадо стремительно миновало полоску кустарника, вышло к реке, но не остановилось, преодолело поток вброд – благодаря тонкому слуху охотник различил плеск воды – и ушло на открывающуюся дальше равнину.

Олово отпустил бычка, присел на корточки и принялся неспешно вытирать нож. Он знал, что скоро прибудет гостья, и не ошибся: примерно через минуту высокая трава мягко разошлась, и появилась пятнистая голова. Когда требовалось, крупные местные кошки умели приближаться незаметно, великолепно используя для маскировки и траву, и кустарник.

– Привет, – коротко произнес Олово.

Пятнистая не ответила, но смотрела на человека без агрессии. И без любопытства. Скорее – выжидающе. Хотела знать, понял ли двуногий, что она пришла за своей долей.

– Ты умнее, чем ка-азалось, – признал человек.

Кошка вновь промолчала. Вышла из травы, продемонстрировав Олово длинное мускулистое тело, потянулась и уселась.

«Где моя доля?»

Они познакомились на третий день пребывания Олово на равнине, вскоре после того, как он поохотился на оленей в первый раз. Недовольная зверюга явилась в тот самый момент, когда Олово тащил тушу к пещере: выскользнула из кустов, хлестнула себя хвостом по бокам и выдала угрожающий рык, сообщив, что местные охотничьи угодья зарезервированы. Олово, которому понравилось на равнине настолько, что он решил остаться здесь навсегда, ответил не менее угрожающим рычанием, поправил лежащую на плечах тушу и потопал по своим делам, ожидая удара в спину. Но не дождался. То ли пятнистая решила повременить, то ли была смущена поведением наглого новичка.

Отступила.

Той же ночью Олово прошел по следам кошки и отыскал тщательно спрятанное логово, в котором посапывали трое котят. Трогать не стал, понадеялся, что пятнистая поймет сигнал, и не ошибся. На следующую ночь состоялся ответный визит – кошка пришла к пещере и почти час сидела в тридцати шагах от разведенного у входа костра. Смотрела, оценивала, затем расправила в темноте, и недели две они с Олово жили, не замечая друг друга.

А сегодня пятнистая неожиданно предложила союз.

Олово вырезал из туши интересные его куски, упаковал их и поднялся на ноги.

– Оста-альное твое.

Кошка склонила голову набок. Взгляд ее зеленых глаз оценивающе ощупал остатки оленя.

– Всё честно. – Олово еще раз посмотрел на тушу, усмехнулся и сделал шаг назад. –
Пря-атного аппетита-а.

Пятнистая двинулась вперед.

– Увидимся-а.

Она в очередной раз не ответила, но Олово и не требовалось. Он знал, что его поняли.

Август

Что есть власть?

«Возможность отдавать любые приказы», – услужливо подсказал внутренний голос. Большой любитель поспорить и продемонстрировать свою значимость. Внутренний голос был отъявленным честолюбцем, весьма хвастливым, самодовольным, и каждая одержанная победа подбрасывала дровишек в костер его тщеславия.

«Приказы?» – переспросил Джезе.

«Любые».

«Не слишком ли мелко? Фельдфебель тоже отдает приказы».

«Любые... – Чувствовалось, что сравнение собеседника покорило. – А как насчет исполнения любых желаний?»

«Своих ли?»

«А чьих?»

Оказавшись на вершине, человек попадает в центр переплетения интересов самых разных групп, группировок и группировочек, что стоят между правителем и вверенным его попечению народом. По-настоящему неограниченная власть – миф. Или будешь лавировать между кланами, или станешь заложником ближайших сторонников. И еще неизвестно, что лучше.

Неизвестно...

Раньше Папа Джезе не задумывался над сутью власти. Лез вверх ради процесса, лез, потому что мог, потому что наслаждался своей силой и превосходством над конкурентами. Потому что подъем на вершину был в его жизни таким же естественным делом, как сон или дыхание. Увлекательной игрой он был, острым состязанием, но теперь... Теперь ставки выросли настолько высоко, что привычно легкое отношение к победам стало казаться неуместной шуткой.

Так что же дает власть?

«Возможность стать богатым», – брякнул один из роящихся над головой духов Лоа.

И захихикал.

– Да уж... – Джезе скривился.

Карабкаться на вершину ради денег? Какая пошлость.

«Не будь наивным. Деньги правят миром».

– Назвать тебе людей, у которых эта фраза вызовет презрение? Они есть сейчас, они были раньше. Прошли сотни лет, но люди их помнят, потому что не золото было их целью, а чистая, как дистиллированная вода, власть.

Вот только зачем, черт побери, она нужна?!

«Ты разве не знаешь?» – на этот раз отозвался целый сонм духов.

Почести, богатство, возможность отдавать приказы и очень долгая жизнь. Не вечность, конечно, но сила Вуду существенно добавит к тому, что предлагает медицина. Жизнь на вершине, наслаждения, взрослые игры и... и тоскливые вечера у камина, по меткому выражению этого мерзавца Щеглова.

Жизнь для себя. Жизнь в полнейшем одиночестве, потому что душа живет вдали. Жизнь наполовину или вообще не жизнь. Такова его плата.

Индивидуальный, мать его, взнос.

«Ты больше не принадлежишь себе», – прошептал дух.

– Один раз вы меня уже обманули, – хрипло ответил Папа.

«Мы не обманывали».

«Просто кое-что изменилось».

«Непредвиденное».

Джезе закрыл глаза и вновь, как во время разговора с Мишенькой, погрузился в воспоминания. В сладкие воспоминания о страстной встрече в соборе Тринадцати Пантеонов. Лицо любимой женщины, ее прикосновения, ее дыхание, ее тепло. Нет – ее жар. Нет! Не ее жар, а их. Их общий костер увидел Джезе и в очередной раз осознал, что сгорел тогда дотла. И Патриция сгорела. Только она знала, на что шла, а он – нет.

«Получается, она тоже тебя обманула!»

«Бедный, бедный Джезе...»

«Ужасно, когда нельзя никому довериться».

«Не слезы ли на его глазах?»

Они роились вокруг и зубоскалили. Ехидничали. Откровенно насмехались. Их якобы шуточные замечания становились все более дерзкими, однако уколы порождала не сила, совсем не сила. Духи Лоа понимали, что случившееся в соборе Тринадцати Пантеонов изменило Папу, однако до сих пор не смогли ковырнуть глубже, чем он позволял. Возможно, сейчас, после разговора со Щегловым, защита даст сбой и они узнают его нового? Того, которого боялся сам Джезе.

«Что ты нашел в этой девке?»

– В девке?!

Разъяренный Папа сдвинул обнаглевшего духа в кулаке.

А в следующий миг осознал, что все невидимые твари Лоа замолчали.

А еще через секунду осознал, что сделал.

Защита пробита, и ошарашенные духи разлетелись, бросая испуганные взгляды на нового Джезе.

«Ты изменился...»

«Ты другой...»

– Там, в соборе, мы совершили невозможное, – тяжело объяснил Папа.

То ли себе, то ли плененному невидимке.

Патриция!

Их любовь, их костер, их пожар. Вершина, на которую они поднялись. Вершина, которой можно достичь только вместе, и только через костер.

Он стал другим. Не мог не стать и стал, однако долго, очень-очень долго не принимал перерождения. То ли боялся, то ли не был готов, то ли предвидел реакцию сил, служению которым посвятил свою жизнь.

«Ты не имел права так поступить!»

«Ты не должен был меняться!»

«Ты стал чужим!»

Папа поднял руку и внимательно посмотрел на бьющуюся в ловушке жертву. На олицетворение мощи Католического Вуду¹. На невидимого повелителя незримого.

И услышал:

«Пусти...»

Тихое, недовольное, обиженное и немного испуганное.

И понял, почему парившие в соборе Тринадцати Пантеонов духи с недоверием смотрели на костер их с Патрицией любви. Почему стали помогать Ахо.

– Вы меня боитесь.

«Ты стал чужим!»

– Напротив, мои маленькие невидимые друзья, – покачал головой Джезе. – Теперь мы с вами окончательно породнились.

¹ *Католическое Вуду* – одно из основных религиозных течений современности. Значение некоторых других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (Прим. редактора.)

А Католическое Вуду обрело второго, после Святого Мботы, великого пророка, который...

– Иисус, – прошептал Папа, принимая первое в своей жизни видение.

Глобальную картину, ужатую в короткий информационный пакет без всякого, мать его, шифрования. То ли первая передача, то ли случайная связь, то ли дурацкая шутка с целью проверить свойства нового преемника в сети избранных.

– Иисус! – повторил Джезе, выпуская духа и сдавливая руками переполненную посланием голову. – Помедленнее! Господи, пожалуйста, помедленнее!

Он знал все на свете и ничего конкретно. Он видел судьбы людей, но не мог сосредоточиться ни на одной из них. Он был всемогущим наблюдателем, отстраненно взирающим на потуги, и управлял всей жизнью на Земле. Он был, и его не было. В своих коротких скитаниях везде и нигде Джезе окончательно познал суть Станции и восхитился величием замысла. А потом поразился чудовищной его жестокости. Он увидел, что будет и что будет потом, после «что будет». Всех возненавидел и простил.

А потом запретил себе жалеть себя.

А потом открыл глаза и понял, что лежит на полу. Что боль стихла, что он не спятил, не «коротнул» от информационной перегрузки, зато чувствует необыкновенный прилив сил. Понял, что произошедшее – его суть, его новое Я, его истина. Понял и смирился.

«Ты не уйдешь», – с тихой радостью и невероятной печалью произнес дух.

– Да, – подтвердил Папа. – Я не уйду.

Потому что впереди их ждут страшные испытания и людям, собравшимся на площади перед храмом Иисуса Лоа, нужен вождь. И другим людям, которые смотрят прямую трансляцию, тоже нужен вождь. Миллионы, сотни миллионов людей верят и надеются на лучшее. У миллионов, у сотен миллионов из них нет ничего, кроме веры и надежды. И он, Папа Джезе, обязан остаться, потому что вера их – он. И надежда их – он. Потому что отныне и до самой смерти он и есть Католическое Вуду.

Что такое власть, Папа Джезе?

Возможность вести людей к цели, которую ты видишь и в которую веришь. Ответственность перед теми, кого ведешь.

Любой другой ответ не имеет смысла. Любой другой ответ приведет его к любимой женщине. Любой другой ответ приведет Папу туда, куда рвется его сердце, где живет его душа. Любой другой ответ приведет его в место, которое будет сниться Папе всю оставшуюся жизнь. В место, вспоминая о котором он будет плакать без слез всю оставшуюся жизнь. В место, где он мог бы обрести счастье.

Но вот беда – не было у Джезе другого ответа.

А значит, и счастлив он не будет.

– Я – пастырь. Так уж получилось.

Папа медленно поднялся на ноги, сделал пару шагов и угрюмо посмотрел в зеркало. На отражение человека, отдавшего другим свою душу. На отражение человека, облаченного в белые одежды настоятеля храма Иисуса Лоа.

Июнь

Анклава: Москва

Территория: Болото

«Инновационное бюро Лакри»

В основе любых великих свершений лежат нудные совещания

– Пресс-служба СБА официально подтвердила, что вчерашний сбой сети, в результате которого четыре часа «лежало» тридцать процентов Франкфурта, стал результатом согласованной атаки на Анклав тритонов Сорок Два. Убытки от очередной выходки сетевого террориста превысили...

Патриция, повинувшись взгляду отца, выключила некстати заголосивший коммуникатор и кашлянула, показывая, что можно вернуться к разговору.

Кирилл же пригладил короткие светлые волосы, медленно обвел взглядом собеседников, выбрал Руса и негромко поинтересовался:

– Я слышал, тритоны взломали бюро.

– Пытались, – уточнил тот, проклиная свою забывчивость. Чертов коммуникатор был «заряжен» на новости и автоматически включался в начале основных выпусков.

– Тритоны пытаются ломать всех, – вступился за Лакри Ганза. – Ничего особенного.

– Все меня не интересуют, пусть сами справляются, – тяжело произнес Кирилл. – А сервер бюро должен оставаться в неприкосновенности.

– Машина отрезана от сети с самого начала проекта, – напомнил Рус. – В ней нет «железа», способного установить соединение. И она слишком хорошо спрятана, чтобы можно было подключиться через...

– Терминалы, – буркнул Грязнов. – Машина в бункере, но вы работаете отсюда.

Мозгом «Инновационного бюро Лакри» служил суперкомпьютер с пятнадцатью «поплавами», разрешение на который Кирилл раздобыл благодаря мощным связям на самой верхушке иерархической пирамиды Анклава Москва. Пряталась чудо-машина в глубоком бункере и обеспечивала Рустаму с компанией потрясающе высокий уровень вычислений. Как раз такой, какой и требовала поставленная Грязновым сложная и предельно секретная задача, – именно поэтому Кирилл беспокоился насчет мер безопасности.

– Вы представляете, что будет, если вас на самом деле взломают?

– Я вычислил придурков через семьдесят секунд после начала атаки, – тихо сообщил молчавший до сих пор Чайка. – Заблокировал им доступ и позвонил по номеру, который вы дали.

– А если бы тебя не оказалось на месте?

– Меня и не оказалось, – пожал плечами Илья. – Когда Рустам сообщил о попытке взлома, я сидел в кабаке на Мясницкой. Оттуда и работал.

Чайка, Илья Дементьев, был не простым ломщиком – одним из двенадцати великих, одним из «любимчиков Поэтессы», о которых по сети гуляли сборники легенд. Официально Илья считался мертвым, да еще убитым самим Мертвым, то есть – мертвее не бывает, на деле же чувствовал себя прекрасно. Ну, настолько прекрасно, насколько может себя чувствовать человек, всего месяц назад покинувший страшно гостеприимную Африку.

Здоровью Чайки ничего не угрожало, однако на душе ломщика было беспокойно.

– Я не оставил бедолаг после звонка, – продолжил он, исподлобья глядя на Кирилла. – И знаю, что через четыре минуты их накрыл летучий отряд безов.

На самом деле Илья подключился к «балалайке» одного из тритонов и его глазами наблюдал вторжение беспощадных бойцов СБА. Еще год назад сетевые роботы обязательно отсле-

дили бы такое подключение, но сейчас Чайке хватило и стандартных защитных действий – миллионы тритонов изгадили сеть почти до полной неработоспособности.

– Придурков арестовали или положили? – лениво осведомился Кирилл.

Но Илью интересовало другое:

– Вы сдали тритонов Мертвому?

– Это самый быстрый и надежный способ избавиться от них.

– Объяснение так себе.

Теперь на Грязнова смотрели все: и Чайка, и Рус, и Ганза, и Патриция.

Ненависть к всесильному директору московского филиала СБА Максимилиану Кауфману была одним из краеугольных камней в фундаменте, на котором объединилась собравшаяся в Бюро компания. И если идеолог проекта не гнушается работать с Мертвым, то фундамент может дать трещину.

– Мы на войне, Илья, – пожал плечами Кирилл. – А потому я использовал и буду использовать впредь все средства, которые сочту нужными.

– Но ведь мы воюем против Мертвого!

– Основная прелесть ситуации заключается в том, что он об этом не знает, – усмехнулся Грязнов. И перешел в атаку: – Через кого, по-твоему, я сделал тебе фальшивые документы? Прошу прощения – настоящие документы.

– Через...

Беглый каторжник прекрасно понимал, что обеспечить ему новое, «почти настоящее» имя можно было лишь через СБА. Понимал, но гнал мысли прочь, поскольку в данном случае речь шла о его благополучии.

– Это стоило дорого, но оно того стоило, – продолжил между тем Кирилл. – А еще, раз уж мы заговорили о нормах безопасности, хочу предупредить, что все вы, мои дорогие партнеры, внесены в VIP-список московского филиала СБА.

– Мы все? – удивленно поднял брови Лакри.

– Времена сейчас непростые, вы же, случается, появляетесь на улицах без охраны.

А присутствие в списке особо охраняемых персон гарантировало, что безы будут защищать «дорогих партнеров» даже ценой собственной жизни.

– Теперь, когда мы утрясли мелкие вопросы, я бы хотел перейти к главной части встречи, – проворчал Грязнов. После чего покосился на коммуникатор и вытер со лба пот.

Они сидели за длинным столом в подвале одного из ангаров «Инновационного бюро». Кондиционер работал на полную, однако не успевал охлаждать воздух – слишком уж много аппаратуры появилось в последнее время в не очень большом помещении. Измерительные приборы и связанные с суперкомпьютером рабочие станции практически не выключались, тут же стенды, тут же набитые электроникой шкафы, и тут же, в углу, наполовину разобранный «Ламборджини» – памятник новейшим технологиям. Двигатель машины использовал новую энергию «Науком», и именно с желтого спорткара начался проект, над которым трудились собранные Грязновым гении.

Проект, призванный разрушить грандиозные планы Максимилиана Кауфмана.

Кирилл, на правах лидера, занял место во главе стола. Широкоплечий, но совсем не атлет. Массивный, но отнюдь не толстый. Лицо круглое, подходящее простаку-фермеру, но взгляд серых глаз выдает глубокий ум. Кирилл был одним из трех компаньонов «Шельман, Шельман и Грязнов», ведущей антикварной фирмы планеты, имеющей представительства во всех Анклавах, торговал, так сказать, историей, а потому не поленился внести в свой облик «загадочные» детали. Он коротко стриг светлые волосы, однако на затылке носил пятнадцатисантиметровую косичку, в которую была вплетена черная веревочка. Левое ухо антиквара украшала покрытая причудливой вязью золотая серьга, а на тыльных сторонах ладоней были вытатуированы черные руны. Ни дать ни взять – маг.

Справа от Кирилла расположилась его дочь – Патриция. Красавица с тонким, узким лицом и длинными каштановыми волосами, чью стройность иногда ошибочно принимали за хрупкость. Пэт обожала скорость, гоняла на спортивных машинах, самолетах, вертолетах и даже совершила спейс-слалом – сама управляла шаттлом. Вот и в бюро она приехала не с отцом, в массивном, неторопливом и надежном, как танк, внедорожнике «ГАЗ Тайга», а на скоростном «Судзуки Плутон». Одежда соответствовала: кожаные брюки и куртка, которую она сняла, оставшись в игривой майке. И еще одна деталь, на которую обращали внимание все, кому доводилось встречаться с Патрицией: с недавних пор ее организм отторгал вживленные чипы, а потому на столе перед девушкой лежал коммуникатор.

Хозяин бюро, Рустам Лакри, оказался напротив Пэт. Худощавый, невысокий, с короткими черными волосами и черными от смазки руками, он очень редко вылезал из рабочего комбинезона, а потому походил на заурядного техника. Что, в принципе, частично отражало действительность: Рус был гениальным механиком, человеком, способным создать устройство для любых целей, и лишь пацифистские убеждения не позволяли Лакри принять необычайно щедрые предложения, которыми его засыпали «Науком» и другие оружейные корпорации.

Рядом с Лакри горой возвышался Ганза – обладатель длинных волос, длинного носа, длинного подбородка и длинных рук, в одной из которых он привычно держал банку пива. Цветастая рубашка расстегнута до живота, волосатая грудь выставлена напоказ. Голос громкий, заглушающий всех, манеры оставляют желать лучшего, но голова... Именно светлая, хоть и лохматая, голова позволила Ганзе придумать новую энергию.

Чайка пристроился последним, не напротив Ганзы, как следовало бы, а за ним. С одной стороны, неудобно – при разговоре приходилось подаваться вперед. Зато когда Чайка откидывался на спинку стула, то полностью пропадал из поля зрения собеседников. Поджарый, выглядящий много моложе своих тридцати с хвостиком лет, Илья казался студентом и не стеснялся пользоваться этой своей особенностью. Но не здесь, потому как все присутствующие прекрасно знали и его настоящий возраст, и квалификацию. Лучший ломщик современности, один из двенадцати великих, создатель несокрушимого п-вируса, ставшего едва ли не главным оружием тритонов. Тем не менее последователем Сорок Два Чайка не был, и голову, подобно большинству правоверных нейкистов, не брил. Напротив, вырвавшись из Африки, Илья вжил себе наны и теперь, как Ганза, мог похвастаться почти такими же длинными волосами.

– Как продвигается проект?

– Успешно! – оптимистично заявил Ганза.

– Вяло, – буркнул Рус.

– Непонятно, – добавил Илья.

Патриция улыбнулась и занялась изучением собственных ногтей. Кирилл же внимательно оглядел ребят, вздохнул и вежливо попросил:

– Уточните, пожалуйста.

Всего несколько недель назад Грязнов считал, что самое трудное позади: его гении, каждый из которых был жизненно необходим для проекта, согласились работать в команде. Главный кандидат на звание «человек тысячелетия», бежавший из легендарной Африки ломщик и владелец тюнинговой компании – разношерстная группа, собранная вместе усилиями Патриции и Кирилла. Объединить столь разных людей удалось идеей, главный посыл которой звучал просто: человечество в тупике. Выход есть – новая энергия, однако в настоящий момент Станцию полностью контролирует Мертвый, и разрушить его монополию можно только с помощью небольшой, но шумной аварии. Строительство будет отброшено на несколько месяцев назад, и этот факт, вкупе с поведением государств, заставит Кауфмана поделиться секретом со всем миром.

Первая неделя не принесла проблем: Ганза вводил Илью и Руса в суть дела, подробно рассказывал о принципах совершенного им открытия и о секретах строительства Станции.

Слушатели вникали. Кирилл радовался. Но чем больше Илья и Рус узнавали, тем четче проявлялось их собственное мнение и вырисовывались оригинальные идеи, вступающие в противоречие с замыслами Ганзы. Столкновение было неизбежно. Первый крупный скандал случился через шесть дней: Чайка заявил, что цель недостижима, поскольку их затея требует тотального контроля над всеми системами Станции, а одному ему не потянуть. Три дня Рус и Ганза доказывали ломщику обратное и в конце концов доказали. Но при этом лохматый насмерть разругался с Лакри. Через два дня Патриции удалось восстановить мир, но тем же вечером перебранка вспыхнула вновь: Илья и Рус накинулись на Ганзу...

Две последние недели из подвала бюро беспрестанно доносились ругань и взаимные обвинения, плавно переходящие в оскорбления, но, несмотря на это, а может – благодаря этому, дело двигалось. Дух соревнования, желание продемонстрировать идиотизм коллег заставляли парней выворачиваться наизнанку, и сегодня Кирилл рассчитывал услышать хорошие новости.

– ...главная проблема в том, что Станция вырабатывает не энергию, а вещество, удержать которое крайне сложно...

– Вот я и говорю: поставить столб нереально, – огрызнулся Рус.

– Сложно – да, но реально.

– А как же идея «пустого выхлопа»?

– Он не будет замечен. Просто авария, просто сбой – о нем не узнают за пределами Станции.

– А ты хочешь попасть в новостные каналы?

– Мы сразу определились, что должна быть шумиха в прессе.

– Обязательно, – поддакнул Кирилл.

– «Всплеск»?

– Велика вероятность неуправляемой реакции.

– Девяносто пять процентов – это не «велика вероятность», – язвительно добавил Чайка. – Это гарантия.

Доклад, на который надеялся Грязнов, состоялся. Однако увлекшиеся гении предпочитали использовать собственные, понятные только им термины, не обращая на слушателей никакого внимания. Они продолжали спор, а Кирилла интересовал результат.

– Столб и только столб, – подвел итог Ганза. – Его даже со спутников увидят.

– С точки зрения воздействия на публику – это идеальный вариант, – кивнул Грязнов.

– Вопрос в том, сможешь ли ты синхронизировать работу всех систем Станции?

Все посмотрели на Чайку.

– Да, – после короткой паузы кивнул ломщик.

И спрятался за лохматого.

Патриция едва заметно выдохнула:

– Вот видишь! В этом случае...

– Но поток рванет в обоих направлениях, – перебил девушку Рус. Он желал продолжить спор.

– Ты забыл о дырке?

– А мы поднимем столб прямо над ней?

– Разумеется! – с энтузиазмом подтвердил Ганза. – Скважина находится в самом центре Главного Энергоблока.

– Довольно удачно, – негромко прокомментировал Чайка.

– Я с самого начала планировал использовать скважину в качестве накопителя. Ты видел схему...

Илья кивнул.

– Да, помню.

Но ломщика, очевидно, смутила прозорливость Ганзы.

– Что с самим столбом? – поинтересовался Кирилл. – Я от физики далек, но мне кажется, поднять его непросто.

– Идея есть. – Рус почесал в затылке. – Немного «сырая», но...

– Отличная идея! – Ганза допил пиво и немедленно открыл новую банку. – Я проверил расчеты и даю голову на отсечение, что твоя конструкция сработает как надо.

В присутствии Грязнова гении, не желая расстраивать заказчика, старались демонстрировать «взаимопонимание».

– Но как мы убедим руководство Станции возвести в Энергоблоке новую конструкцию? – кисло осведомился Чайка. – Боюсь, на это даже лоббистских усилий Пэт не хватит.

Патриция была внучкой Романа Фадеева, владелицей транснационального финансового монстра «Фадеев Group», что делало ее если не хозяйкой Станции, то уж точно одним из главных ее акционеров. Именно Пэт должна была доставить на строительство Чайку и Руса.

Однако вопрос Ильи касался других материй, а потому ответил на него Ганза.

– Руководство Станции – это я, – расхохотался лохматый. – Во всяком случае, научное руководство.

– То есть ты скажешь, и Мертвый построит? – недоверчиво прищурился Чайка.

– Он не понимает и трети того, что я говорю. Скажу, что возникла необходимость в новой конструкции, – и он построит, – убежденно отозвался Ганза.

И залпом допил пиво.

Первый этаж личного ангара Рустама был загроможден оборудованием не меньше, а может быть, даже и больше, чем подвал. Помимо рабочих станций и электронных приборов, здесь стояли станки, на которых Лакри лично вытачивал некоторые из нужных ему деталей, и испытательные стенды. А также диван с парой кресел для отдыха и холодильник для пива. Довершала картину свалка в дальнем углу, которую Рус иронично называл «оперативным складом» и в которой можно было обнаружить все, начиная с карданного вала и заканчивая мини-атюрным чипом.

В последнее время Лакри появлялся на первом этаже редко – работа заставила его переместиться в подвал, и верхний уровень поступил в единоличное владение Матильды. Сюда она приезжала после Университета, здесь занималась, ожидая, когда Рус освободится и они отправятся домой. Здесь принимала гостей – ту же Патрицию – или, как теперь, развлекала не допущенных на совещание спутников Кирилла. Сегодня таковых было двое: Филя Таратута, исполняющий при Грязнове роль «бухгалтера на все руки», и Олово, слуга-телохранитель. И если второй предпочитал помалкивать, то Филя привычно разливался соловьем, благо Матильду он знал с пеленок и мог без стеснения затронуть любую тему. Впрочем, стеснения он не ведал и при общении с совершенно посторонними людьми.

– Нет, – ответила Матильда на заданный только что вопрос, – управлять мотоциклом я не научилась.

Помимо всего прочего, Рус возглавлял байкерский «вагон» «Warriors of the Swamp» и был известен в этом качестве не меньше, чем гениальный инженер. С мотоциклом Лакри управлялся великолепно, а потому неумение и нежелание Матильды оседлать железного коня вызывало у Таратуты естественное непонимание.

– И какова же *causa causarum*?² У тебя такой учитель под боком.

– Не мое.

Ответ вызвал очередную улыбку:

– *Ultra posse nemo obligatur*³, да?

² Причина причин (*лат.*).

³ Никто не обязан делать что-то сверх возможного (*лат.*).

– Да, – кивнула Матильда.

Она училась на медицинском факультете Университета, а потому понимала большую часть цитат «бухгалтера на все руки».

– Эх, солнышко, да кто из нас знает, что его, а что нет? И кем бы мы стали, если знать...

– Филя локтем толкнул задремавшего в кресле Олово: – Скажи?

– Что? – поинтересовался тот, не открывая глаз.

За разговором слуга не следил.

Одетый в традиционные для себя рубаху с широким воротом, шаровары и расшитые восточным орнаментом тапочки, Олово не привлекал бы внимания, не покрывай его тело и бритую голову черные узоры татуировок, оставляющие чистым лишь невыразительное лицо. Они придавали слуге мистический ореол.

Ждать и отдыхать Олово предпочитал, погружившись во внутренний космос, а потому, оказавшись в ангаре, тут же уселся в кресло, взял на колени старинного знакомого – местного рыжего кота по кличке Козявка – и дремал, почесывая довольную животину за ухом.

– Что?

– Я спрашиваю, кем бы ты стал, если бы знал, кем должен стать?

Неожиданный вопрос заставил и Олово, и Козявку недоуменно вытаращиться на Филю. Матильда прыснула смехом.

– Что?

– Si tacuisses, philosophus mansisses⁴.

Таратута важно поправил лацкан замызганного пиджака, машинально покосился на древний портфель, который всегда таскал с собой, – имущество по-прежнему стояло около дивана, – и вновь принялся пытаться Матильду:

– Рус тебя бьет?

На пухлой физиономии возникло участливое выражение, и лишь очень внимательный наблюдатель смог бы догадаться, что Филя шутит.

– Пусть только попробует, – грозно пообещал не оценивший юмора Олово.

Матильда находилась под покровительством слуги, что гарантировало гипотетическим обидчикам весомые неприятности.

– Господи, я ведь не тебя спрашиваю, – всплеснул руками Таратута. – Занимайся скотом.

– Котом.

– Тебе виднее. – И вернулся к девушке: – Бьет?

– Филя, с чего такая глупость?

– Ну, байкер и все дела... Я где-то читал, что у них это *in rerum natura*⁵. Нажрется пива, и давай кулаками махать.

– Не наш случай.

– То есть у вас любовь?

– Самая настоящая, – твердо подтвердила Матильда.

– Повезло... – Филя попытался погладить Козявку, но не преуспел, убрал руку, среагировав на продемонстрированные когти, зевнул, посмотрел на часы, прислушался и, услышав топот на лестнице, удовлетворенно хмыкнул: – Кажется, закончили.

Патриция покинула подвал первой, упорхнула, сказав, что хочет поговорить с Матильдой. Ганза и Чайка ушли следом, на ходу продолжая обсуждать особенности предложенной механикой конструкции. А вот Рус задержался.

– Кирилл! Я должен с вами поговорить.

⁴ Если бы ты молчал, сошел бы за философа (лат.).

⁵ В природе вещей (лат.).

– О чем?

Грязнов, который только собрался выбраться из-за стола, остался в кресле и дружелюбно посмотрел на Лакри.

– Я беспокоюсь о своих людях, – твердо и серьезно произнес тот.

Несколько мгновений Грязнов пристально смотрел на парня, после чего кивнул:

– Очень хорошая тема для разговора, Рус, очень правильная. – Вытащил из кармана платок, с сомнением посмотрел на него, убрал, достал из другого кармана свежий и вытер пот. – У тебя есть люди, и ты считаешь себя обязанным заботиться о них.

– Они не мои...

– Оставь, – вальяжно махнул рукой Кирилл. – Ты правильный человек, Рус, я в тебе не ошибся. – Помолчал. – Я ждал этого разговора.

Он достал золотую коробочку, вытряхнул на ладонь несколько белых пилюль и проглотил их, запив водой из пластиковой бутылки.

Лакри на мгновение сбился: неужели он настолько предсказуем? Но в следующий миг вспомнил, с кем говорит, и успокоился. Грязнов был антикваром, но только потому, что хотел быть антикваром. А вот возможности его выходили далеко за рамки, очерченные для продавца древностей, пусть даже и самого известного в мире. Кирилл был игроком, и этим все сказано.

– Скоро я отправлюсь на Станцию, – осторожно продолжил Рус.

– Верно.

– Пэт и Матильда тоже.

– А еще Мамаша Даша, Таратута, Олово... Здесь не останется никого.

– Похоже на бегство.

– Мы идем туда, где должны быть.

Ни слова больше, никаких объяснений.

«Мы идем туда, где должны быть».

Лакри чувствовал, не знал, а именно чувствовал, что за проектом, за Грязновым и Патрицией, прячется нечто большее. Что за декларированным желанием подарить человечеству новую энергию скрывается некая тайна. В конце концов, Ганза мог просто передать техническую информацию тому же Китаю и снять все вопросы. Но не передал. Не захотел? Или не мог?

Или все дело в тайне?

Почему, черт возьми, так важно устроить аварию?

– Что тебя смущает, Рус?

– Не понимаю, зачем вы отправляете на Станцию всех близких.

– Там спокойнее.

Учитывая складывающуюся вокруг Станции ситуацию, слова Кирилла могли показаться издевкой, однако Рустам знал, что Грязнов ошибается редко. И если он сказал, что на Станции, которую постепенно окружают войска крупнейших государств планеты, будет спокойнее, чем в Анклаве, значит, так оно и есть.

– А куда денутся мои ребята?

– Не на Станцию, – коротко ответил Кирилл.

Судя по скорости ответа, он был заготовлен заранее. Но и отказом фраза антиквара не прозвучала.

– Есть и другие безопасные места?

– Чуть менее безопасные, чем Станция, но куда спокойнее Москвы. К тому же у этих мест есть большой плюс – там будут рады видеть команду знаменитого Лакри.

Рустам прищурился:

– О чем вы говорите?

– О промышленной зоне «Науком», которую корпорация выстроила неподалеку от Станции.

Лакри вздрогнул:

– Я не хочу служить «Науком»!

Рустаму до сих пор снился город, сметенный с лица земли с помощью его разработок. Нечасто, но снился. Не город даже, а камни, смешанные с мясом и горем. Кусочек рукотворного ада имени «Науком». И его, Рустама, имени.

– На кону жизни твоих людей.

– Кирилл!

Он ведь все это знает! И о городе, и о кошмарах. Знает! Так почему же...

– Я понимаю, что выглядит предложение гадко, но другого выхода нет, – с неожиданной проникновенностью произнес Грязнов. – Я могу поговорить со своими друзьями из «Науком», и, уверен, они с радостью примут на работу Рустама Лакри и всех его людей. Ты получишь главное: пропуск в промышленную зону – и спрячешь там друзей. Ты их спасешь, Рус. Я не шучу.

– То оружие, которое я придумаю за эти месяцы, убьет гораздо больше людей, чем я спасу, – горько ответил инженер. – Мы оба это знаем.

– «Науком» известны твои принципы, и они сделают все, чтобы не потерять тебя во второй раз. Я думаю, они предложат тебе заняться чем-нибудь мирным, например транспортом. Получишь собственную лабораторию, фактически то же бюро, только под крылом корпорации.

– Вы можете это устроить?

Рус вспомнил вопросы, которыми подозрительный Чайка засыпал Грязнова в начале разговора. Вопросы о связях с Кауфманом.

«Все страньше и страньше...» – как говорила Алиса.

– Я могу устроить очень много вещей, – усмехнулся Кирилл. – И спасение твоих парней, поверь, далеко не самая сложная из них. Не будь у меня серьезных связей, нашего проекта попросту не существовало бы.

– Но почему вы не с ними?

Кирилл не просто вписан в существующий порядок, он входит в число управляющих им людей. В чем смысл его попыток разрушить систему? В чем тайна?

Промолчать Грязнов не мог, но отвечать так, как хотелось бы Рустаму, не стал.

– Потому что наверху оказываются люди двух типов: игроки и члены команды. Я игрок, Рус, у меня есть принципы, которые я считаю нужным защищать. – Грязнов помолчал. – Я не публичный человек, Рус, но я к этому никогда и не стремился, слава меня не прельщает. Все остальное у меня есть: и власть, и богатство. И я употребляю их для того, чтобы чувствовать себя удовлетворенным. Я считаю, что должен это сделать, и я это делаю. Такой ответ тебя устроит?

– Более чем.

Рус знал, что такое принципы. Именно они в свое время заставили его уйти из «Науком», хотя талант давно бы уже сделал его миллионером.

Прикоснуться к тайне не получилось, но Кирилл в очередной раз сумел отыскать нужные слова.

– Это все, о чем ты хотел поговорить?

– Вы же знаете, что нет.

– Знаю, – улыбнулся Грязнов.

И вопросительно поднял брови. Лакри едва заметно покраснел.

– Я хотел поговорить о Матильде. О нас с Матильдой.

Отца у девушки не было, а потому по серьезным вопросам следовало обращаться к неофициальному опекуну.

– Долго же ты собирался, – наигранным тоном недовольного папаши протянул Кирилл. – Вы уже больше года живете вместе.

Шутит или нет? Непонятно. С одной стороны, племянница Мамаши Даши не доводилась Грязнову родственницей, да и времена сейчас другие, более свободные. С другой – Кирилл не раз подчеркивал, что традиции для него важны.

– Я... я прошу у вас руки Матильды, – промямлил инженер. И неуклюже закончил: – Вот.

– А что невеста? – деловым тоном поинтересовался антиквар.

– Надеюсь, согласна.

– В таком случае, сынок, у тебя есть мое благословение.

– Честно говоря, я потрясен прозорливостью «Науком», – криво усмехнулся Чайка. – Построить Энергоблок над самой глубокой в мире скважиной... Разве это не опасно?

– Там прочная порода, – объяснил Ганза. – А шахта уже не самая глубокая в мире – глубочайшая. Двадцать тысяч триста четырнадцать метров. «Науком» купил полигон, когда дырка едва дотягивала до двенадцати, и возобновил бурение, используя самые современные технологии.

– Об этом я и говорю: «Науком» взял и возобновил бурение, – продолжил гнуть свою линию Илья. – Ради чего?

– Восемь лет назад я подписал с корпорацией контракт, – сообщил Ганза. – Предположил, что мне понадобится емкий накопитель, и решил, что шахта, с точки зрения безопасности, то, что нужно.

– Ты был уверен в успехе?

– Я всегда уверен в успехе.

– И «Науком» поверил тебе на слово?

Лохматый гений вздохнул и терпеливо поведал:

– Илья, ты пропускаешь мимо ушей главное: «Науком» поверил не в меня, «Науком» поверил в то, что я сказал. «Науком» понял, что станции, вырабатывающей новую энергию, понадобится мощный накопитель. Я предложил шахту, идея была принята. Теперь понятно?

– Теперь – да, – медленно ответил Чайка.

Вопросы оставались, однако Ганзе удалось на время ослабить обуревающие ломщика сомнения.

– А вот у меня есть серьезный вопрос к тебе. – Лохматый гений стал предельно серьезен. – На совещании ты сказал, что сможешь взять под контроль все системы Станции. Ты знаешь, насколько сложный это комплекс. Поэтому я повторяю вопрос: ты уверен в себе?

– Я знаю, что делает со мной «синдин» и на что я становлюсь способен, – негромко ответил Чайка. – Я смогу.

– Они смогут, – твердо произнесла Патриция. – Черт возьми, отец, они смогут!

– Ты сомневалась?

– До сих пор мы строили планы, а сейчас они становятся реальностью. Это...

– Заставляет нервничать?

– Будоражит.

– Ты становишься нетерпеливой.

– И мне нравится.

Грязнов благодушно рассмеялся.

«Судзуки» остался в бюро – пришло время плановой проверки, – и Пэт возвращалась домой вместе с отцом. Таратута сидел за рулем бронированного внедорожника, Олово занял соседнее сиденье, перегородку поднять не забыли, а потому Грязнов беседовал с дочерью без свидетелей.

– Иногда меня трясет от нетерпения, хочется, чтобы все случилось как можно скорее, хоть завтра, – призналась Патриция. – Но при этом я немного боюсь. Дергаюсь из-за того, что парни могли ошибиться в расчетах и нас ждет неприятный сюрприз.

– Ганза не ошибается.

– Ганза – настоящая машина. – Вспомнив о лохматом любителе пива, девушка тепло улыбнулась. – Он все подготовит, перепроверит, построит, но ведь завершать проект предстоит Чайке. Ему предстоит сыграть финальный аккорд.

– Не доверяешь Илье?

– Не в том смысле, который ты вложил в вопрос, – подумав, ответила Патриция. – Я знаю, что Чайка возьмется, несмотря на все свои сомнения. Это вызов, а Чайка слишком часто отступал, чтобы бросить все в очередной раз. Он возьмется, он хочет это сделать, но я боюсь, что задачка окажется ему не по зубам.

– Если это не сделает Чайка, это не сделает никто.

С этим утверждением Патриция спорить не стала.

– Мы подвели ребят к черте, – продолжил после паузы Кирилл. – Мы зажгли их, заставили петь их души, мы нашли нужные слова, а главное – мы в них не ошиблись. Мы собрали блестящую команду и раскошегарили ее до самого последнего предела. Они хотят сделать то, что нам нужно. И они это сделают. Или подохнут. – Грязнов усмехнулся и уточнил: – Или мы все подохнем.

* * *

Анклав: Цюрих

Анклав: Москва

Договариваться нужно вовремя

Этот разговор был невозможен – президент СБА Ник Моратти и директор московского филиала Службы Максимилиан Кауфман, мягко говоря, недолюбливали друг друга. Это было соперничество двух тигров, двух личностей, двух сильных мужчин, каждый из которых, закусив удила, стремился к собственной цели. Каждый отстаивал свой путь, а потому не выгода стояла на кону, а принцип.

Этот разговор был невозможен, но он не мог не состояться.

Откровенный разговор двух смертельных врагов.

Схватка длилась давно и подходила к финалу. Копья сломаны, кони убиты, доспехи изрублены, в руках мечи, впереди рукопашная. И... и безнадежная попытка отыскать компромисс.

– Хотел поговорить? – осведомился Кауфман.

Директор московского филиала СБА выглядел обыкновенно: черный костюм, черная спортивная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, неперменные черные перчатки на руках – выбранный стиль мог показаться слишком театральным, однако, едва собеседник стал кивался со взглядом пронзительных голубых глаз Максимилиана, всякое желание острить пропадало. Со взглядом очень умных, очень цепких и очень холодных глаз. Взгляд Кауфмана заставлял позабыть и о костюме, и о невзрачной внешности. Взгляд Кауфмана показывал, что свою кличку – Мертвый – Макс, вполне возможно, получил именно из-за него, ибо не было в этом взгляде ни эмоций, ни чувств – только жесткость да холодный, равнодушный расчет.

Моратти же, на фоне Кауфмана, выглядел образцом жизнелюбия и радушия. Высокий, плотный, подвижный, он казался постаревшим паркетным красавчиком, заполучившим высокий пост по большой протекции, но люди, которые так думали, очень и очень быстро распла-

чивались за свою ошибку. Ник действительно был карьеристом, мастером подковерных интриг и аппаратных войн, однако и крови он в своей жизни видел много, и лить ее не боялся.

Несмотря на различие в фантиках, «конфетки», смотревшие друг на друга через сеть, были весьма похожи.

– Хотел поговорить, – подтвердил Ник. – Начистоту.

– А смысл?

Драка началась не вчера и даже не позавчера, и Мертвый искренне не понимал причину, побудившую Моратти вызвать его на разговор. Предложить капитуляцию? Сообщить о капитуляции? Невозможно. Их противостояние давно преодолело момент, когда одна из сторон могла выбросить белый флаг, и теперь игра шла на полное уничтожение. Чего бы это ни стоило победителю.

– Сегодня у меня была большая делегация верхолазов из Кейптауна.

– Очень мило.

Ник знал, что Мертвый попытается вывести его из себя, а потому, собрав в кулак всю волю, не обращал внимания на поведение московского директора.

– Тритоны гробят экономику.

– Я служу в СБА, – язвительно напомнил Кауфман. – Я в курсе.

– За последние десятилетия мы сумели выстроить неплохой мир, – спокойно продолжил Ник. – Не без недостатков, но неплохой. У нашего мира мощный костяк, который пока держится, однако мясо уже начало отваливаться. Электронные коммуникации находятся под постоянным давлением, атаки идут непрерывно. Транспорт, управление хозяйством – все рушится. С тех пор как тритоны отыскивали источник «поплавок», их число растет невероятными темпами. И чем их больше, тем больше паникуют верхолазы. Они теряют веру в СБА.

– СБА – не церковь.

– Спасибо, что напомнил, – Моратти не смог удержаться от саркастического замечания. Тут же укорил себя, но не смог. В конце концов, даже у его выдержки есть пределы.

– Мы не справляемся с сетевым террористом, который, как ты правильно заметил, рушит мировую экономику, – взял слово Мертвый. – Ничего удивительного, что верхолазы недовольны.

– Они в панике.

– Извини, я неверно выразился.

На самом деле Кауфман сказал именно то, что хотел. Ситуацию он понимал не хуже президента.

– Все дело в идеологии. СБА всегда была регулятором, инструментом. Мы не насаждали власть, мы поддерживали порядок, а идеологией занимались корпорации. Точнее – не занимались. – Моратти взмахнул кулаком. – Свободное предпринимательство! Свободный рынок! Отсутствие политических партий и чиновников! Считалось, что этого достаточно, но все рушится.

– На самом деле чиновники никуда не делись, – заметил Макс. – Кто мы с тобой, Ник, как не бюрократы?

– Граждане Анклавов привыкли к свободе, а теперь она ведет к хаосу.

– К хаосу ведет Сорок Два. И только потому, что развил нашу бестолковую предпосылку до полноценной идеи. До принципа абсолютной свободы.

– Как бы там ни было, Сорок Два ведет мир к хаосу.

– Я знаю.

Моратти подался вперед:

– Но если СБА начнет закручивать гайки, мы получим бунты. А не закручивать гайки мы не можем, потому что это единственный способ удержать мир на плаву.

– Для чего ты все это рассказываешь?

Вопрос Кауфмана подвел черту под вступлением и направил разговор в основное русло. Четкий вопрос, на который президент СБА обязан дать не менее четкий ответ – чего он хочет.

– У государств есть идеология, Макс, – негромко произнес Ник. – Плохая. Но есть. А у нас нет. Государства всегда будут ставить на своих, играть на противопоставлениях, на разнице интересов. Китайцы, вудуисты, индусы, европейцы... Все тянут одеяло на себя. В Америке уже поговаривают о восстановлении «Дома на холме», который выведет мир из кризиса. Европейцы и омарцы грезят мировым халифатом, а вудуисты тянутся к Европе, но... Но при всех недостатках государства дают внятную концепцию развития, и люди с пониманием отнесутся к закручиванию гаек. Мы думали, что справимся без идеологии, и мы обанкротились.

Свободный рынок оказался хорош всем, кроме одного: он не справился с людьми.

– Верхолазы хотят к государствам? – поинтересовался Кауфман. – Или все дело в том, что ты не видишь другого выхода?

– Другого выхода нет. – Моратти помолчал и с горькой уверенностью закончил: – Идея Анклавов себя изжила.

– Я так не считаю, – неожиданно мягко ответил Мертвый.

– Наше преимущество – экономика, но Сорок Два гробит ее.

– Ты забыл о Станции, – прежним тоном произнес Кауфман.

– Если бы забыл, то не завел разговор, – осторожно сказал Ник. – Станция – наш единственный козырь.

– И ты решил выложить его на стол?

Мертвый задал вопрос очень вежливо, деликатно, но от этого его язвительный смысл только усилился.

– Я признаю, что козырь этот – у тебя, – вздохнул президент СБА. – И поэтому прошу. На самом деле – прошу. В первый и последний раз прошу: сыграй его. Станция станет мостиком между Анклавами и государствами, объединит нас, объединит мир и вытянет его из дерьма.

– Временным мостиком, – уточнил Кауфман. – Как ты правильно заметил, Ник, каждое государство тянет одеяло на себя.

– Твоя энергия позволит им заглянуть вперед, увидеть новые перспективы и...

– И отказаться от сиюминутной выгоды?

Моратти замолчал. А Мертвый зло усмехнулся.

– Перспектива потому и называется перспективой, что она далеко. На нее нужно работать. Ради нее необходимо от чего-то отказываться. Хватит ли у государств воли использовать возможности новой энергии для будущего? Ведь в кризисе не только Анклавы, в кризисе все. А война всегда считалась прекрасным выходом из тупиковых ситуаций.

– Мы соберем конференцию, подпишем юридически обязывающие документы...

– Которые не будут стоить даже бумаги, на которой их напечатают.

– Но ведь ты все равно отдашь им энергию!

– Когда буду уверен, что они не устроят с ее помощью последнюю мировую войну. Когда ткну их носом в перспективу и смогу гарантировать, что они не смогут от нее отказаться.

Прозвучало, мягко говоря, самонадеянно. Ник прищурился.

– Сможешь гарантировать?

– Смогу, – уверенно отрезал Кауфман.

– Не слишком ли много ты на себя берешь?

– Ровно столько, сколько могу потянуть. Все остальное берут другие.

– Кто?

– Не ты.

Отказ? Окончательный и бесповоротный?

На первый взгляд все выглядело именно так, однако Моратти не мог не попытаться зайти еще с одной стороны.

– Макс, я понимаю, что ты беспокоишься о долгах «Науком», о тех кредитах, что вы собрали под строительство Станции. Но ты прекрасно знаешь, что эти вопросы легко решить. Часть долгов спишем, остальные выкупят государства в счет платы за технологию.

Но произнося последние слова, президент СБА понял, что это предложение заинтересовало Кауфмана еще меньше, чем разговоры об идеологии.

– Я с тобой не торговался, Ник. И долги «Науком» – последнее, что меня волнует в этой истории.

– Почему?

– Потому что я услышал от тебя то, что ты не сказал, – Станцию будут штурмовать. Ведь так?

Прямой вопрос – прямой ответ.

– Ты сам подвел государства к этому решению.

– Почему они не хотят подождать до запуска? Понятно же, что после него я отдам технологию.

– Тебе не верят. Твои действия кажутся странными.

– Какие? – Резким движением Кауфман взлохматил серые волосы. – Кроме повышенной секретности, разумеется.

– «Науком» стягивает производства к Станции.

– К источнику новой энергии, – уточнил Мертвый. – Это логичная оптимизация производственного процесса.

– Плохое объяснение.

– Другого нет.

– Но если все так просто, какого черта ты не соглашаешься раскрыть технологию сейчас?

– Я уже ответил.

– Не веришь государствам?

– Не верю.

– Почему?

– Потому что то, что легко дается, – невысоко ценится. Если я продам технологию сейчас, государства сочтут это своей победой. Что бы я ни попросил взамен, какие бы условия ни выставил – они все равно решат, что победили. Эта продажа станет концом Анклавов.

– Анклавы обанкротились.

Странное, если не сказать – преступное, заявление прозвучало в устах президента СБА весьма весомо. Он искренне верил в то, что говорил. А вот Кауфман придерживался другой точки зрения.

– Государства обанкротились еще раньше, когда допустили появление Анклавов. Ты просто не понимаешь, что наблюдаешь противостояние мертвецов. Заполучив технологии силой, а ведь все именно так: они угрожают и получают что хотят, пусть даже и в результате компромисса. Так вот, заполучив технологии силой, государства вообразят, что всё осталось по-прежнему, что мощь и мускулы решают всё, и станут использовать новую энергию в военных целях. Через год или два обязательно начнется большая война.

– А ты хочешь начать ее сейчас?

Его не поняли. С ним не согласились. Мертвый устало откинулся на спинку кресла и пожал плечами:

– То, что я хочу, свершится через несколько месяцев. Я построю Станцию. Я открою новую эпоху. И если в твоих словах было хоть пять процентов искренности, ты не будешь разочарован, Ник. Ты увидишь, что я был прав. Но сейчас, если ты хочешь договориться, ты должен без разговоров и условий встать на мою сторону и делать то, что я приказываю.

«Честное ли это предложение?» Поразмыслив, Моратти решил, что да – честное. Его действительно готовы взять в команду. Но насколько велики ее шансы?

– Ахо и китайцы не остановятся, – протянул президент СБА.
– Я знаю.
– Тебе не позволят стать королем мира.
– Мне и не надо.
– Чего же ты добиваешься?
– В настоящий момент, Ник, я бегу к своей цели. И остановить меня можно лишь одним способом.

«Компромисса не будет, договора с государствами не будет. Штурм Станции неизбежен, как и неизбежно поражение команды Мертвого». А потому ответ на предложение присоединиться к закусившему удила директору московского филиала СБА прозвучал однозначно:

– Они тебя остановят, Макс. Они пойдут на всё.
– Есть разница между «пойти на всё» и «добиться своего», – равнодушно ответил Кауфман. – Увидимся, когда все образуется.

Даже самый секретный разговор должен кто-то обеспечивать, контролировать связь, наблюдать за безопасностью, а также слышать всё, о чем говорят высокие собеседники. Именно поэтому в качестве операторов и Мертвый, и Моратти использовали самых доверенных людей.

Окончив разговор, Кауфман отключил коммуникатор, толкнулся ногами, заставив кресло отъехать от стола, и, когда оно прижалось спинкой к стене, посмотрел на сидящего за вторым коммуникатором молодого, лет тридцати пяти на вид, мужчину.

– Что скажешь?
– Господин Моратти показался мне искренним, – бесстрастно ответил Щеглов.
– Согласен.

На первый взгляд Мишенька Щеглов, начальник Управления дознаний и первый заместитель директора московского филиала СБА, производил впечатление равнодушного и несколько отстраненного человека. Неспешные жесты, негромкий голос, аккуратная прическа, стильные квадратные очки, за линзами которых прятались всегда спокойные глаза, – казалось, Мишеньку на этом свете ничего не интересует. И было непонятно, как человек с такой внешностью мог заслужить славу лучшего дознавателя СБА. Было непонятно до тех пор, пока ты не оказывался на допросе.

– Но в то же время господин Моратти был несколько навязчив.
– Ничего удивительного для человека в его положении, – хмыкнул Мертвый.
– У господина президента масса проблем, – поддержал шефа Щеглов. – Тритоны Сорок Два терроризируют экономику. Уровень жизни в Анклавах стремительно падает. Государства стягивают к Станции войска. Верхолазы паникуют, и все выходит из-под контроля.

– Ужасно.
– Согласен, доктор Кауфман.
– Но для чего ему понадобилась встреча?
– Возможно, господин президент действительно хотел договориться? Попытался ухватиться за соломинку.
– Я ему предложил.
– Полагаю, господин президент оптимистично считает, что шансы его команды предпочтительнее, – скромно заметил Мишенька.

Мертвый усмехнулся.

– Все слишком далеко зашло. Нику не позволят перейти на нашу сторону, даже если бы он захотел.

Кауфман знал, что Моратти давно сделал ставку на китайцев и сейчас фактически является их агентом влияния. И именно поэтому был удивлен самим фактом разговора.

– У нас разные цели.

Эта фраза объясняла всё и подводила окончательный итог. Разные цели. И если задачи, которые пытается решить Моратти, Кауфману ясны, то чего пытается достичь Макс, Нику недоступно. Разные цели. Сделка невозможна.

– А вот с этим я вынужден согласиться, – бесстрастно кивнул Мишенька.

Самое интересное, что Моратти действительно был готов принять любые условия Кауфмана. И причиной, по которой Ник вызвал Макса на разговор, был редчайший для президента СБА приступ неуверенности и страха за будущее. Не только за свое, но и за будущее общества, как бы пафосно это ни прозвучало. Моратти прекрасно понимал, что напряжение растёт, что глобальный нарыв противоречий готовится лопнуть кровью и остановить его можно лишь неожиданным, а самое главное – глобальным ходом.

Таким, как начало строительства Станции, – люди поверили, что из тупика, в котором оказалась цивилизация, есть выход. Люди ощутили надежду. Люди считали дни до запуска, поскольку не сомневались – мир изменится. Импульса хватило на целых полтора года. Государства перестали конфликтовать по поводу нефтяных месторождений, локальные войны были заморожены, и даже сводки СБА выглядели неожиданно хорошо: утихли этнические конфликты, взаимоотношения в Анклавах стали дружелюбнее. Все замерли в ожидании.

Моратти надеялся, что сможет дотянуть до запуска, однако несколько месяцев назад, словно по приказу невидимого режиссера, все начали сходить с ума. Сначала изобрел проклятую троицу сетевой ублюдок Сорок Два. Рассказал, как с помощью «синдина», «поплавка» и особых нанов достичь уровня великого ломщика, придумал π -вирус, изрядно затруднивший охоту на тритонов, и положил начало всеобщему хаосу.

Абсолютная свобода есть абсолютная вседозволенность.

Этот лозунг нигде не звучал, однако идеи Сорок Два большинство его последователей поняли именно так. И он им понравился.

Тритоны набросились на экономику стаей голодных псов, рвали ее на куски, насилюя базы данных и коммуникации. Не понимали, что разрушают основу собственного цифрового мира.

За количеством сетевых преступлений пошло вверх число обычных. Затем обострились застарелые конфликты внутри Анклавов. Затем государства сформировали мощный военно-морской кулак в Баренцевом море, и он тоже добавил нервозности в жизнь простого человека. Никто не знал, чем закончится атака на Станцию, но все знали, что «Науком» строит огромный энергетический котел.

Штиль постепенно превращался в бурю.

Моратти надеялся пойти последовательно: сгладить напряженность между государствами и «Науком», объявить о закладке новых Станций, о наступлении новой эры в истории человечества и таким образом заставить людей одуматься. Пусть надежда на лучшее будущее вспыхнет с новой силой, и тогда никто не обратит внимания на предельно жесткие меры, с помощью которых Ник рассчитывал решить «проблему Сорок Два».

К сожалению, Мертвый от компромисса отказался.

– Ему все равно нельзя было бы доверять, – хмуро произнес Дрогас. – Что бы он ни сказал, на что бы ни согласился.

– Возможно, – поморщился Моратти.

– Я достаточно изучил Кауфмана.

– На этот раз ставки необычайно высоки.

– Именно поэтому он не остановится.

Стефан Дрогас считался главным головорезом президента СБА, человеком, готовым выполнить любой его приказ. Незаконные операции, убийства неугодных, силовое воздействие – не было ничего, за что не взялся бы Стефан. И в каждое свое задание он вкладывал душу, работал не за страх – за совесть, получая удовольствие и от работы, и от безнаказанности. Но

при этом Дрогаса нельзя было назвать тупым громилой, способным лишь исполнять полученные приказы. Прекрасное образование, цепкий ум и богатый опыт сделали из Стефана оперативника высочайшего класса, и президент СБА высоко ценил его аналитические способности.

– Мертвый не может не понимать, что его положение крайне уязвимо, – недовольно произнес Моратти.

– Он идет по лезвию, но способен дойти.

– До чего?

Дрогас пожал плечами. Ответа у него не было.

– Власть? – предположил Ник.

– Над чем?

– Над миром.

– Каким образом?

– У него будет новая энергия.

– Монополия продлится недолго, – махнул рукой Дрогас. – Сразу после запуска «Науком» поделится секретами с корпорациями, потом с государствами, потому что если это не сделает «Науком», сделают другие. Аналитики считают, что им едва хватит времени расплатиться с долгами.

– Да уж, долгов они наделали много. – Моратти пожевал губами, припоминая, с каким равнодушием среагировал Кауфман на финансовую тему. – Проблема в том, что никто не понимает предпринимаемых «Науком» действий. Китайцы даже додумались до того, что «Науком» строит глобальную пушку, с помощью которой возьмет планету за горло.

– Вы в это верите? – удивился Стефан.

– Нет.

– Я тоже.

– В это никто не верит, но самую возможность со счетов не сбрасывают. Все боятся. Сейчас такой мир, Стефан: все всего боятся. Мы в тупике. Прежде казалось, что ситуацию можно законсервировать и выиграть немного времени, однако Сорок Два не позволил нам этого сделать. Сорок Два видит перед собой новую эпоху и совершенно не думает о том, что без власти нельзя.

Одиночка неспособен ничего построить. Он может сломать, испортить, воцариться на обломках, но это – потолок. Цивилизации дают импульс крупные структуры, объединения, корпорации. Нужны обеспечение, планирование, вложения, будничная работа. Только так и никак иначе. Все успешные революционеры немедленно занимали места свергнутых господ, прибирая к рукам власть. В этом была их истинная цель. Но сейчас идет революция нового типа, которая пока предполагает не создание новых институтов власти, а лишь разрушение. А это в свою очередь – гарантированная деградация общества.

– Станция – не панацея от Сорок Два. Станция не поможет справиться с п-вирусом. Не остановит атаки тритонов на экономику.

– В том-то и дело, что остановит.

Дрогас вздрогнул.

– Не понимаю.

– Сила тритонов в том, что за ними идут люди, – объяснил Моратти. – Да, им не всегда нравятся методы, они боятся от проблем с зарплатами, от похищения денег, но если поставить вопрос: тритон или СБА, многие люди выберут тритона.

– Почему?

– Потому что мы слишком долго ничего не меняли, Стефан, и тем утомили людей. Мы не предлагаем ничего нового, а Сорок Два предлагает. И за ним идут. – Ник помолчал. – Важно то, что Сорок Два появился очень вовремя, как будто по заказу. Его идиотские идеи и тупые методы могли расцвести только в тупике. Сейчас тупик, и Сорок Два появился. – Моратти

покачал головой, обдумывая собственные слова, однако развивать конспирологическую тему не стал. Вместо этого продолжил: – Станция способна составить новый общественный договор: мы покажем перспективу, дадим, черт побери, надежду и тем вернем толпу на свою сторону. Чтобы идти вперед, необходима власть, а в тупике от нее можно отказаться.

* * *

Территория: Россия

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13

Кодовое обозначение – «Станция»

Безоружный враг – это как-то неожиданно

Во время плановых вертолетных облетов Станции Грег Слоновски никогда не представлял себя соколом, парящим над охотничьими угодьями. Или орлом. Или, прости Господи, каким-нибудь драконом – настолько далеко фантазия Грегуара не простиралась.

И, разумеется, Слоновски был крайне далек от того, чтобы любоваться грандиозным строительством, наслаждаться титаническими постройками, возведенными «Науком» на «диком Севере», и задумываться о торжестве человеческого разума. Некогда ему было, да и усилия, что приходилось прикладывать для охраны этого самого строительства, напрочь отбивали охоту восхищаться. Работать надо, а не созерцать.

– Давай к Кайфограду, – распорядился Грег, убедившись, что дополнительные укрепления вокруг железнодорожной станции почти готовы.

Пилот кивнул, и вертолет, заложив вираж вокруг Теплого Дома, направился на восток. Слева остался Главный Энергоблок – массивный прямоугольник с гигантским, триста метров диаметром, куполом, а справа промелькнула двадцатиэтажная Лаборатория Технических Проектов. ЛТП-1 – научный центр строительства.

Три главные башни расположились в самом центре Станции, горделиво возвышаясь над постройками, густо заполнившими почти правильный круг диаметром в пять километров. Главными воротами внутрь считалась Арка – современное и немного странное для строительства сооружение, – через которую проходили железнодорожная ветка и две широкие дороги. Были, разумеется, и другие въезды, однако они терялись на фоне слепленного из блестящего титанопласта «произведения искусства».

– Заходи с севера, – распорядился Слоновски, когда машина пересекла все три защитных периметра и вылетела за пределы строительства. – Сначала глянем на придурков.

– Понял.

Вертолет взял левее, и Грег, на лице которого появилась кислая мина, уставился на расположенный к северу от Кайфограда палаточный лагерь движения «Остановим Ад!», членов которого он без всякой толерантности обозвал придурками.

Было за что.

Поправка: было за что с точки зрения Слоновски.

«Остановим Ад!» объединяло наиболее радикальных экологических фанатиков со всего света. Искренне верящие в то, что Станция несет Земле погибель, они тысячами съезжались в Кайфоград и почти ежедневно устраивали у границ строительства шумные акции. Репортеры их обожали. Грег – ненавидел.

– Симпатично получилось, – прокомментировал пилот, указывая вниз. – Постарались.

– Да уж...

– И ведь за одну ночь управились.

– А чем им еще заниматься?

Слева от палаточного лагеря, между его границей и периметром Станции, «зеленые» выложили огромную красную надпись: «Остановим Ад!» на русском и английском языках. Летать рядом со строительством Слоновски запретил, поэтому репортеры щелкали очередное художество с наспех сооруженной вышки.

«Мирные граждане в очередной раз призывают власти остановить строительство чудовищной Станции!»

А другие мирные граждане, даже те, что вложили деньги в акции «Науком», смотрят репортажи и пропитываются мыслью, что Станция – зло. И промолчат, если кто-нибудь попытается ее захватить.

Это называется пропагандой.

– Давай туда, где была попытка проникновения.

– Есть.

Вертолет заложил очередной вираж и пошел прочь от палаток и виднеющегося за ними Кайфограда.

Поначалу попытки проникновения на Станцию пресекались постоянно, не реже раза в неделю. Работать было интересно, поскольку атаковали строительство настоящие профессионалы: наемники и штатные агенты спецслужб. Потом, когда всем стало ясно, что Слоновски защищаться умеет, поток нарушителей иссяк, превратившись в редкий ручеек. И потому ночную вылазку имело смысл рассматривать как провокацию.

Которая достигла цели, породив грандиозный скандал.

Все началось с того, что несколько активистов «Остановим Ад!» попытались преодолеть периметр. Глупость, конечно, несусветная – даже первую, самую слабую линию обороны без специальной подготовки не пройти: два ряда колючей проволоки, вышки с автоматическими пулеметами, множество видеокамер и минные поля делали ее неприступной для таких «диверсантов». Вот и закончилось ночное путешествие вполне предсказуемо: двоих сняли пулеметы, один подорвался на mine, четверых, что запутались в колючей проволоке, арестовали подоспевшие безы. Теоретически – обычная попытка проникновения на режимный объект с обычным финалом, на практике – вой на всю сеть и рыдания несчастных родителей. Правозащитные организации будоражили общественность, а корпорации и СБА ушли в тень, предоставив Мертвому выкручиваться самостоятельно.

– Я думаю, нас прощупывают, – пробормотал пилот, который, как и все безы Станции, был в курсе происходящего. – Смотрят, на что мы способны.

– А я не думаю, – в тон ему ответил Слоновски, – я знаю.

И посмотрел на часы: пресс-конференция Прохорова должна была начаться с минуты на минуту.

– Для чего нужны настолько жестокие системы безопасности?

– Системы безопасности не могут быть жестокими. Или они есть, или их нет.

– Гибнут люди!

– Периметр Станции обнесен сотнями предупреждающих знаков, которые отлично видны и днем и ночью. Голосовые предупреждения повторяются каждые пятнадцать минут. И все знают, что мы не шутим.

– Вот именно – не шутите! Вы что, на войне?

– Станция – предприятие повышенной опасности. Мы защищаем ее от террористов.

Аккредитацию на участие в пресс-конференции получили полсотни журналистов и целый ряд либеральных «представителей общественности», «искренне возмущенных очередной трагедией». Настроены они были совсем не дружелюбно, однако комендант Станции, Алексей Прохоров, держался уверенно. Он знал, что прав, и старался успокоить собравшихся,

опираясь на логику. К сожалению, именно логика интересовала оппонентов Прохорова меньше всего.

– То есть активисты «Остановим Ад!» правы – Станция опасна?

– А разве атомные электростанции не опасны? – удивился комендант. – Любое нарушение технологического процесса способно привести к серьезной катастрофе, и мы не имеем права рисковать.

– Не отклоняйтесь от сути, господин Прохоров! Мы не слышали, чтобы охрана атомных станций открывала огонь по невинным людям.

– Попробуйте прорваться к реактору.

– Но ведь юноши из «Остановим Ад!» не приближались к Главному Энергоблоку! – с пафосом заявил Дюк, сопредседатель правозащитной организации «Свободный дом человечества». – Несчастные дети всего лишь выражали протест! Хотели быть услышанными! А в них начали стрелять!

– Запретная зона четко очерчена, освещена и снабжена предупреждающими знаками, – продолжил гнуть свою линию Прохоров. – За последний год мы предотвратили восемнадцать диверсий на территории Станции и двенадцать диверсий на ведущей к строительству железнодорожной ветке. Хочу напомнить, что два года назад из-за диверсий погибли...

– Вот именно – погибли! Несчастные дети взорвались на mine! На mine!! В мирное время!

Разошедшийся Дюк окончательно взял на себя роль главного оппонента Прохорова, и пресс-конференция плавно превращалась в перепалку. Довольные журналисты торопливо снимали происходящее и шептали в диктофоны комментарии.

– Мины расположены внутри запретной зоны и не предназначены для детей.

– А для кого же они предназначены?

– Для нарушителей.

Правозащитник пристально посмотрел на Прохорова и, выставив указательный палец, провозгласил:

– Вы – фашист!

– Территория Станции попадает под юрисдикцию Положения об Анклавах. Мы имеем право предпринимать любые меры безопасности для защиты... – скучно начал Прохоров, однако через мгновение опомнился: – Как вы меня назвали?

– Вы пытаете людей!

– Еще одно слово, и я обвиню вас в клевете.

– Не посмеете!

– И в оскорблении офицера СБА.

– Почему вы скрываете происходящее на Станции от общественности? – брызнул слюной Дюк. – Почему возвели вокруг нее настоящую крепость, на подступах к которой гибнут молодые, полные сил ребята?

– А для чего они идут внутрь?

Но кто будет слушать неудобные вопросы, когда творится такое «варварство»?

– Вчера ночью на противопехотной mine подорвался Альфред Хасс, юный идеалист, студент Венской консерватории, очень одаренный и талантливый мальчик, – громко, но очень проникновенно произнес Дюк, обращаясь к репортерам. – Он приехал сюда, чтобы выразить свое беспокойство, свою гражданскую позицию. Он был настоящим человеком. Он подошел к Станции и взорвался на mine. Но он еще жил! Он истекал кровью, лежа на сырой земле, без помощи и поддержки. Он кричал. Он плакал. Но безы господина Прохорова не торопились. Безы господина Прохорова дождались, когда Альфред Хасс умрет, и только после этого забрали тело. Не это ли пример дикой бесчеловечности? Не это ли фашизм? У нас на связи безутешные родители Альфреда...

Мишенька не удержался и посмотрел на Мертвого. Тот кивнул, и Щеглов выключил коммуникатор.

– Надо отметить, что Алексей держится хорошо, – скупно заметил Кауфман. – Он, конечно, не дипломат, но из себя начал выходить не сразу.

– Мы и не могли назначить комендантом дипломата, – едва заметно улыбнулся Мишенька.

– Да уж... – Мертвый потер переносицу. – Нельзя не отметить, что наши милые враги сделали неожиданный ход.

– Движение стало большой проблемой.

– И отличным рычагом давления.

– И не только давления.

Кауфман посмотрел на своего верного помощника, помолчал и кивнул.

– Я тоже думаю, что они отправят на штурм безоружных кретинов.

Молодых дурачков, которые сдохнут, чтобы взрослые дяди в высоких кабинетах использовали их смерть для смещения неугодного директора московского СБА и его команды. Безы Станции подготовлены отлично, они будут стрелять по молодняку. А если не станут, если дрогнут перед безоружными, стрелять будет внутренняя безопасность – ребята Слоновски посвящены, они знают, ЧТО защищают, и понимают, насколько важна их миссия.

– С другой стороны, штурм – это хорошо, – продолжил рассуждения Кауфман. – Я больше чем уверен, что выступление «Остановим Ад!» подтолкнет остальных игроков к активным действиям.

– Вопрос в том, чтобы штурм начался вовремя, – уловил Мишенька.

– Что и должно стать твоей главной задачей, – резко закончил Мертвый. – Ускоряй работы на Станции, поднимай агентуру, делай все, что считаешь нужным, но добейся того, чтобы кровь полилась именно тогда, когда мы будем готовы. Не раньше.

* * *

Анклав: Франкфурт

Территория: Zwielfichtsviertel

Встречи, взгляды, эмоции и плохие новости

Когда-то давно, такое ощущение, что в прошлой жизни... в странной, почти позабытой жизни... До той черты, что отрезала...

Стоп! Не о прошлой жизни сейчас речь.

Так вот, когда-то давно Кристиану довелось увлечься онлайнкой «Бесконечное путешествие». Два месяца он зачарованно скользил по сюрреалистическим мирам, созданным чокнутым гением Чи У, увлеченно исследовал каждый уголок фантастических планет и вступал в схватки с пришельцами и чудовищами. Два месяца Кристиан не снимал шлем и не покидал кресло, питаясь через пластиковые трубочки, которые сотрудники игрового клуба услужливо впендюрили ему в вены. Два месяца он пребывал вдали от дома. А потом, когда кредит закончился и его вышвырнули на улицу, настоящий мир показался Кристиану настолько серым, что от тяжелых наркотиков его спасли лишь прохудившиеся финансы.

Нереальным показался мир.

Ненстоящим.

Рехнувшимся в своей пустоте.

Тогда, в почти позабытой ныне прошлой жизни, из навалившейся депрессии Кристиана вытаскила работа, любимое дело, которое оказалось увлекательнее вымышленных миров. А теперь, судя по всему, настало время платить по счетам: любимое, мать его, дело загоняло

Кристиана в депрессию, плавно подводя к мысли, что окружающий мир стал действительно нереальным. Останавливающие время кадры поражали фотографа неправильностью происходящего. Безмолвные снимки бесстрастно фиксировали будничную жизнь лишенного надежды мира.

Ненастоящего.

Рехнувшегося в своей пустоте.

– За новый день! – провозгласил вернувшийся из туалета толстячок и поднял бокал с настоящим французским шампанским. – Я знаю, он будет клевым!

Кристиан плавно надавил на кнопку. Кадр получился отличным: за спиной надирающегося кутилы отчетливо проступало лицо прилипшего к витрине дорожного ресторана бродяги. Рваная футболка и грязная борода – прекрасный фон для модного, с сине-зеленым отливом костюма и вислых щек.

Толстяк залпом опустошил бокал. Бродяга, судя по мимике, сопровождал процедуру завистливыми ругательствами. Выскочившие вышибалы пригрозили бездомному шокером, и тот торопливо заковылял вверх по улице. Кристиан опустил камеру.

– За новый клевый день! – радостно подхватила гламурная компания.

Девять человек. Шмотки у всех одинаково дорогие, однако фотограф опытным взглядом разделил тусовщиков на «своих» (для толстенького заводицы) и прихлебателей. Тройка верхолазных отпрысков и свита. Решили покутить в остром, как перец чили, Zwielfichtsviertel, а чтобы задницы, на которые ищутся приключения, ненароком не пострадали, вокруг полно телохранителей. Безы в штатском: плечистые и опасные. Кристиана они не тронули, лишь камеру осмотрели: главный вышибала, бывший без, поручился, ему поверили.

– Чую, Zwielfichtsviertel скоро совсем перестанет спать, – пробормотал подошедший к фотографу охранник. – Раньше эта братия съезжалась только к вечеру, потом днем стали захаживать, теперь с утра начинают.

– Может, туристы? – дернул плечом Кристиан. – Прикатили в Анклав из какой-нибудь халяльной Гаскони, вот терпения и не хватило.

– Через час еще одну компанию ждем, они Золотой зал сняли. – Вышибала зевнул: – Ты извини, Крис, но те распорядились, чтобы в ресторане ни одного «нюхача» не было.

– ОК.

Кристиан не был «нюхачом», не гонялся за жареными фактами по заказу сетевых ресурсов сомнительной репутации. Его интересовало чистое искусство, однако объяснить это обалдевшим от вседозволенности верхолазским отпрыскам не представлялось возможным.

– Спасибо, что сейчас пустил.

– Ерунда...

Вышибала замолчал, резко обернувшись на звон разбитого стекла – выпивший очередную порцию шампанского толстячок с хохотом метнул бокал в зеркало. Ничего особенного, если вдуматься, но парню показалось мало: с невероятной скоростью за бокалом последовали тарелка, затем еще одна и еще...

– За новый, мать его, день! – Безудержный смех. – За клевый, мать его, день!

– Черт! – Кристиан вновь поднес к глазу видоискатель и дал максимальное приближение. Снимать не собирался, только подтвердить возникшее подозрение. – Да у него передоз!

Глаза толстяка – два блюдца. Веки стремительно наливаются красным, губы – синим, а в их уголках – пена. И посуда, с неестественной скоростью разлетающаяся по залу. Гиперактивность – первая стадия «синдинового» передоза.

– Мать твою! – простонал вышибала. – Хорошо же начинается денек!

Собравшиеся, что к чему, телохранители повисли на толстяке, один из них достал шприц, однако в этот момент дело приняло новый оборот.

– Сука! – Одна из «своих» девиц проинспектировала содержимое сумочки, после чего вскочила на ноги и ударила толстяка по голове бутылкой из-под шампанского. – Он спер мой «синдин»!

Окровавленный воришка повалился на пол. Удар остался за пределами его реальности – толстяк продолжал смеяться. Подскочившая девица пинала его ногами, телохранители пытались помешать, третий представитель «золотой молодежи» от души хохотал, свита опасливо переглядывалась.

- «Синдин» стал слишком редок, – негромко произнес вышибала. – Даже для верхолазов.
- Угу. – Фотограф протянул руку. – Пока, Дин.
- Заглядывай как-нибудь.
- Договорились.

– Не заходить? – Пирсон удивленно вытаращился на Еву. – Совсем?

– Без моего приказа, – повторила Пума, проклиная про себя тупость франкфуртских dd. – Я говорила именно об этом.

– Вы входите, а мы следом, – кивнул Пирсон. – Я понял так.

– Вы поняли неправильно, – сдерживаясь из последних сил, произнесла Ева. – Вы начнете операцию после того, как я покину здание. Ни секундой раньше. – Ее не оставляло ощущение, что Пирсон и остальные сидящие за столиком dd не такие уж тупые, какими хотят казаться, что им просто доставляет удовольствие мучить свалившееся на голову «большое начальство». – Теперь понятно?

– Теперь – да, – подтвердил Пирсон, почесывая в затылке.

Справа громко захохотали. Пума поморщилась.

В шумной забегаловке «У Пепе» они собрались по трем причинам. Во-первых, она была шумной и в нее забегало множество самых разных людей. Во-вторых, заведение располагалось неподалеку от места предстоящей операции. И в-третьих, машинисты Сорок Два взяли под контроль внутреннюю сеть «У Пепе».

– Извините, мадам, но я не понимаю, для чего вы рискуете? Операция несложная, мы бы сделали все в лучшем виде.

Взгляды присутствующих устремились на Еву. Вежливые, но очень внимательные – наемники хотели знать, почему в заурядной акции участвует легендарная Ева Пума. Что привело во Франкфурт ближайшую помощницу Сорок Два? Наемники беспокоились, а это совсем не то чувство, которое они должны испытывать перед операцией.

– В данном случае мы имеем дело со счастливым совпадением: выполняя поставленную Пророком задачу, я могу уладить одно маленькое личное дело, – ровно произнесла девушка и кашлянула. – Теперь понятно?

Наемники дружно кивнули.

– Теперь абсолютно понятно, мадам, – высказал общую мысль Пирсон. – Извините за настойчивость.

– Выдвигайтесь на исходные позиции, и... – Пума на мгновение сбилась, почувствовав на себе чей-то взгляд. Парень, сидящий за дальним столиком в компании черноволосого коротышки. «Служка?» Нет. Еве хватило секунды, чтобы понять, что на нее пялится не сыщик, а романтик. – И можете не торопиться: раньше чем через сорок минут мы не начнем.

Поднялась на ноги и направилась к выходу из ресторана.

– Снял чего?

– Угу.

– Посмотрим. – Жозе без спросу взял фотоаппарат. – Может, кого и заинтересует.

Со старым своим другом и старым же, сохранившимся еще с прошлой жизни, агентом Кристиан встретился «У Пепе» – в средней руки забегаловке, меню которой на целую треть состояло из натуральных продуктов. Дороговато, конечно, для простого обеда, однако Жозе старался следить за здоровьем и, если позволяли скудные средства, выбирал заведения «поприличнее». Нормальная еда делала его менее желчным... но не сегодня.

– И это вся работа? – недовольно поинтересовался агент, отрывая взгляд от экрана фотоаппарата.

– Угу, – коротко подтвердил Кристиан, в очередной раз скашивая глаза на сидящую неподалеку девушку. И глотнул невкусный кофе из шербатой чашки. – Вся.

Столиков «У Пепе» было до черта, жадный владелец по максимуму использовал площадь, оставив между ними минимальные зазоры. Однако один из них, привилегированный, рассчитанный на шесть человек, стоял в отдельном, если можно так выразиться, «кабинете» – отгораживался от зала невысоким, в половину роста барьером. Там-то и сидела привлекавшая внимание Кристиана девушка. Темноволосая тигрица с холодным, как беспощадность Мертвого, лицом. Весьма неприветливым лицом, жесткое выражение которого, однако, нивелировала природная красота. Обаяние хищника: ты наслаждаешься изяществом, совершенно забывая о сути.

«Какой типаж!» – едва не вырвалось у восхищенного Кристиана.

Компанию тигрице составляли четверо громил в неприметных и широких кожаных куртках, под которыми удобно прятать не только дыроделы, но и «дрели». Судя по тому, как держатся, – подчиненные. Местная уголовная королева со свитой? Начальница охраны какого-нибудь верхолаза?

– Ты меня слышишь?

– Что? – Кристиан с трудом оторвал взгляд от тигрицы. Повернулся к другу, хлопнул пару раз глазами, рассеянно улыбнулся: – Что?

– Я сказал, что ты не очень много снял, – язвительно заметил Жозе.

– Так получилось.

От утренней охоты в памяти аппарата осталось всего два кадра: пьющий дорогое шампанское толстячок, за спиной которого завидует бродяга, да девчонка, бьющая этого самого толстяка ногой в лицо. Все остальное Кристиан забраковал.

– Драку в ресторане уже в сеть выложили, ее кто-то из obsługi на «балалайку» снял... – пробормотал Жозе. – Но у тебя кадры отличные, возможно, купят на заставку. – Помолчал. – Кстати, из-за чего дрались?

– У паренька передоз случился.

– Это не повод.

– Он у подружки «синдин» спер. Им и вмазался.

– Прикольно... – Жозе усмехнулся, еще раз, чуть внимательнее, посмотрел на снимки, затем покачал головой: – «Синдина» сейчас даже верхолазам не хватает.

«Совсем как вышибала».

Кристиан одним глотком допил кофе и кивнул на направляющуюся к выходу хищницу:

– Видал королеву?

Жозе не сразу понял, о чем говорит фотограф. А когда сообразил, возмутился:

– Черт возьми, Крис! Ты на мели, забыл? Ты работать должен, а не метелок разглядывать!

– Тигрица... – мечтательно протянул фотограф, глядя на закрывшуюся дверь. – Тигрица...

– Успокойся.

– Я спокоен, как столб.

Хищница ушла, обед закончился, Жозе затянул привычную песню. Серо, очень серо...

Кристиан взял камеру и ласково провел пальцем по крышке объектива.

– Махмуд сказал, что если ты соберешь приличную коллекцию, он подумает насчет выставки, – выложил последний козырь Жозе. – Махмуд тебя помнит и любит.

Махмуд Кеннеди, владелец небольшой галереи, их последняя надежда вырваться из нищеты.

– Но Махмуд ценитель, Крис, ему нужны настоящие работы, – жарко продолжил Жозе. – Такие, какие можешь сделать только ты. Только ты, Крис!

– Да...

– Так сделай, твою мать! Снеси публике крышу! Ты ведь талант, твою мать! Ты ведь огромный талант!

– Купи мне еще кофе, – не глядя на друга, попросил Кристиан.

– А ты сделаешь коллекцию? – осведомился Жозе.

– Сделаю, – кивнул фотограф.

Что он еще мог сказать?

– Отлично! – Жозе поерзал на неудобном стуле. – Давай обсудим тему...

– Доминик ле Ди, – представилась Ева, останавливаясь у стойки регистрации. – Мне назначено.

Девушка сверилась с записями и лучезарно улыбнулась.

– Все верно, госпожа ле Ди. Прошу вас, присаживайтесь, доктор Скотт освободится через несколько минут. Не желаете кофе? Чай?

– Спасибо, нет. – Пума грациозно опустилась на диван – она блестяще играла воспитанную леди, – и устремила скучающий взгляд на широкий экран настенного коммуникатора.

– Желаете какой-нибудь особый канал? Развлечения? Информация?

На мониторе демонстрировалась очередная серия очередного сериала. Кто-то кого-то за что-то любил, а за что-то ненавидел. Бессмыслица во всей красе, но девушка за стойкой следила за перипетиями с нескрываемым интересом.

– Спасибо, – отклонила предложение Пума. – Оставьте как есть.

И едва заметно улыбнулась, разглядев в глазах девушки облегчение.

Приемная доктора Скотта располагалась в респектабельной части Zwielichtsviertel, в районе, где мусор вывозился вовремя, муниципальные службы мыли мостовые, а фасады домов говорили о достатке хозяев. Практику врач открыл не так давно, с год назад, однако успел обзавестись и клиентурой, и репутацией превосходного специалиста. Да иначе и быть не могло, поскольку буква «m» на золоченой табличке «J.J.Scott m.d.» означала не только медицину, но и Мутабор. Джей Джей Скотт, доктор медицины. Джей Джей Скотт, доктор Мутабор. И это открытие стало для Пумы весьма горьким...

– Доминик?

– Доктор! – Ева вложила в улыбку все свое очарование.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Он указал на кожаное кресло, дождался, когда девушка окажется в нем, и только после этого опустил в свое. – Печально видеть, что у столь молодой и красивой леди возникли проблемы со здоровьем. Я искренне надеюсь, что не найду у вас ничего серьезного.

– Поверьте, доктор, я тоже на это надеюсь.

– Что вас беспокоит?

Худощавый, загорелый, с умными серыми глазами и породистым лицом – хоть сейчас на рекламный плакат гольф-клуба. Белый халат, из-под которого виднеется воротник идеально белой сорочки и завязанный классическим узлом галстук. Золотые часы. На безымянном пальце правой руки массивный перстень. Образ консервативного врача для богатой публики не меняется уже пару столетий, однако Пума помнила совсем другого доктора Скотта, совсем не респектабельного.

Правда, тогда его звали иначе.

Доктор Заур его звали, вот как. Доктор Заур, подпольный целитель из грязного квартала Ланданабада, выгнанный из Ассоциации врачей за употребление наркотиков и готовый на все, чтобы заработать. Доктор, мать твою, Заур... Он был рядом с Сорок Два во время экспериментов с «синдином», он вколол пророку бракованные наны, фактически – изобрел троицу. Он. А потом исчез. Пропал доктор Заур, растворился, но упорная Ева сумела выйти на след и отыскать хитреца в обличье преуспевающего франкфуртского врача. В обличье храмовника.

А поскольку врачом Мутабор за пару лет не станешь, вывод можно сделать один: вкалывая Сорок Два бракованные наны, доктор Скотт уже был храмовником. А его история об Ассоциации и проблемах с наркотиками – сказки.

Такой вот дерьмовый вывод.

– Вы указали, что ваш случай деликатный.

– Я не хочу, чтобы о моем недуге пошли слухи.

– Я связан врачебной тайной.

– Надеюсь на ваш профессионализм. – Ева вздохнула. – Больше мне надеяться не на что.

Пума предполагала, что доктор Скотт ее узнает. Сценарий на этот случай у нее был готов, и сценарий замечательный, связанный с долгим и мучительным разговором, но... Но доктор, мать его, Заур-Скотт при ее появлении даже не вздрогнул. Не узнал, гаденыш, вот и приходилось импровизировать, плавно подводя разговор к нужной теме. К тому же у Пумы действительно были вопросы к хорошему врачу.

– Дело в том, что я несколько месяцев не могу избавиться от кашля.

Скотт приподнял левую бровь.

– Затяжная простуда?

– Не думаю, – покачала головой девушка. – Это просто кашель, довольно частый, но не мешающий. Однако раньше его не было.

– В горле не першит, но вдруг нужно покашлять, так? Сухой, негромкий, безболезненный... вы просто прочищаете горло.

– Всё верно.

Врач нахмурился:

– Скажите, Доминик, вы принимаете «синдин»?

– Я догадывалась, что вы спросите...

– В этом заключается деликатность вашей проблемы?

Участливый тон, внимательный взгляд – консервативный врач переживает за пациентку. Мизансцена выстроена блестяще, как в хорошем фильме.

– Да, доктор, я принимаю «синдин», но хочу напомнить о вашем обещании. – Ева судорожно вздохнула – получилось очень естественно. – Мой муж ничего не должен знать.

Замечание насчет мужа Скотт пропустил мимо ушей, его интересовало другое:

– Давно?

– Несколько... – Да какого черта врать? – Пару лет. – Пума улыбнулась. – Я осторожна и не увлекаюсь.

– Вы осмотрительны.

– Благодарю.

– Но, к моему глубокому сожалению, на суть дела ваша осторожность повлиять не в силах. – Скотт вздохнул, тоже очень натурально. – Вы умираете, Доминик.

– Что? – Заявление врача ошарашило Еву, и план беседы полетел к черту. – Я что?!

– Примерно полгода назад практикующие врачи стали замечать, что на некоторых людей «синдин» действует особым образом: проникая в организм, начинает разрушать его изнутри, – скорбным тоном поведал Скотт. – Исследования показали, что доза не важна, к смертельному исходу приводит даже один-единственный сделанный из любопытства укол. Но если входя-

щие в группу риска люди употребляют «синдин» регулярно, то он сводит их в могилу весьма быстро: за два-три года. – Наполненная печалью пауза. – Диагностировать фатальные изменения мы не в силах, а единственный симптом перед неминуемой смертью – несильный сухой кашель.

– Вы лжете!

Но перед глазами Пумы возникло лицо Кена. Он тоже кашлял, они еще шутили, что подхватили одну заразу. Он кашлял и умер два месяца назад. А до него умер Фарид, и он тоже кашлял!

– Когда врачи говорят, что «синдин» убивает, они не шутят. К сожалению, «синдин» вредит организму не только как обычный наркотик...

– Этого не может быть! Не может!

– Я понимаю ваше состояние.

«Что ты можешь понять?! Лощеный подонок! Урод!! Кен! Фарид! „Синдин“! Неминуемая смерть!» Голова шла кругом.

– Мутабор не раз призывал правительства усилить борьбу с распространением «синдина». Я слышал, прелаты даже посылали сообщение Сорок Два, который построил на употреблении «синдина» свое мерзкое учение.

– Вы врете!

– О нас рассказывают много гадких и лживых вещей, Доминик, но, несмотря на то что мы – храмовники, мы остаемся врачами. И если видим яд, называем его ядом.

«Они сообщили Сорок Два! А он промолчал! Он промолчал!!»

– Нет!

Позабывшая обо всем Ева вскочила с кресла и выбежала из кабинета, на ходу теряя последние черты благородной леди.

А доктор Скотт несколько мгновений сидел, прислушиваясь к затихающему цокоту каблучков, после чего надавил на кнопку интеркома.

– Лиза!

– Да, доктор, – отозвалась девушка.

– Зайдите, пожалуйста, в кабинет. И... прихватите свою сумочку.

– Сумочку?

– Да, Лиза, сумочку. Нам необходимо срочно уехать.

Заурядное убийство храмовника – пуля в грудь от «недовольного клиента», пусть даже и сопровождаемое разгромом офиса, не наделало бы шума, не стало бы очередным посланием миру. Сорок Два хотел, чтобы каждая атака превращалась в акцию, требовал втягивать в события посторонних и оказываться на первых полосах информационных лент, а потому к разному офиса доктора Скотта франкфуртские dd подошли творчески.

Дождавшись, когда Пума отойдет от подъезда на сотню метров, Пирсон подает сигнал, и к дому устремляются бойцы. Летят бутылки с зажигательной смесью, раздаются выстрелы, и звон разбитого стекла смешивается с визгом тормозов и воплями испуганных людей. Респектабельная улица респектабельного района преобразается в мгновение ока.

– Смерть Мутабор!

Боевой клич погромщиков гремит над языками пламени и устремляется к низким черным тучам, которые спешно, словно почуяв приближающиеся беспорядки, стягиваются над Zwielichtsviertel. Вспыхивают мобили, дым тянется из разбитых окон, кто-то бросается в укрытие, кто-то – спасать находящихся в доме и поврежденных мобилей людей, а кто-то сообщает, что дан старт беспорядкам, и нацеливается на ближайшие кассы... Это ведь Zwielichtsviertel, а не «Остров речника» для верхолазов, и даже в самой респектабельной своей

части он все равно остается Zwielichtsviertel – обителью тех, кто готов в любой момент забыть о законе.

– Смерть Мутабор!

Приемная еще одного врача-храмовника находится двумя домами вверх по улице, ее тоже накрывает. И две эти спички взрывают Zwielichtsviertel.

Лопающиеся витрины магазинов, перевернутые тележки уличных торговцев, выстрелы, разбитые мобили и люди... Люди, убегающие от хаоса. И люди, торопящиеся в самый его эпицентр. Люди...

– Куда?! Куда, кретин?! – Жозе из кафе не вышел, не дурак. От столика, конечно, отлип, когда Кристиан на улицу метнулся, но в дверях затормозил. Заорал: – Стой, придурок!

Понял, что напрасно, и выругался.

Куда? На улицу, конечно же! Погром – это эмоции! Бурлящий котел!! Вот место для художника.

Позабывший обо всем Кристиан водит фотоаппаратом во все стороны сразу, машинально, на инстинкте, выискивая наиболее интересные эпизоды разворачивающейся вокруг драмы, профессионально переводя ожившую ярость толпы в цифровые кадры.

Пылающий дом. На первом этаже еще несколько минут назад располагалась приемная известного врача-храмовника, а теперь – доменная печь. У распахнутых дверей сидит человек. Врач? Не разобрать. Потому что это не человек, а окровавленное месиво из мяса, костей и одежды – сколько килограммов пуль в него вогнали? Кадр. «Дрель» в руке прилично одетого мужчины. Откуда взялась? Отнял или прятал в приличном портфеле, что валяется теперь в нескольких шагах? По кому он стреляет? Уже не узнать – мужчина ловит в голову пулю и падает. По мертвому телу бегут погромщики.

– Смерть Мутабор!

Кадр. Кадр. Кадр.

Разъяренные люди застывают, превращаясь в образ времени. Именно так говорил учитель Кристиана: мы не фотографируем, мы отражаем время.

Из подъехавшего внедорожника выпрыгивают прятки. Несколько секунд смотрят на охватившее дом пламя и труп у дверей. Лица, наполовину скрытые масками, кажутся бесстрастными, однако Кристиан кожей чувствует, как звереют воины Мутабор.

Кадр. Кадр. Кадр.

А затем, не сговариваясь, прятки открывают огонь по толпе.

Начинается дождь. Но пули не успевают намочнуть. Пулям дождь до лампочки.

– Спасайтесь!

– Смерть Мутабор!

– Бегите!

– Их всего четверо!

Толпа не успевает понять, что следует делать: спастись или атаковать? Толпу легко сбить с толку. Толпа видит кровь, чувствует пули и волнуется штормовым морем, размазывая крайних о каменные дома. Чье-то лицо оставляет на штукатурке кровавую полосу.

Кадр. Кадр. Кадр.

А прятки уже нет. И внедорожника. И тела врача-храмовника. Когда успели?

Стреляют теперь отовсюду...

Кристиан наконец-то реагирует на свистящие пули, прячется за грузовой мобиль, прижимает камеру к груди и слышит:

– Опомнись, кретин! Безы!

Жозе, проявив чудеса героизма, отыскивает Кристиана в самой гуще. Понял, что пора уводить увлекшегося фотографа, и рискнул, покинул относительно безопасный ресторанчик, примчался на выручку.

– За мной иди! – тянет фотографа за руку. – Сюда!

Узкий переулочек, кривой, спасительный, выводит на параллельную улицу, но не успевают друзья сделать и десять шагов, как дорогу преграждает черный броневик. Позади него резко останавливаются фургоны с зарешеченными окошками. Идет дождь.

– Внимание! В районе проводится полицейская операция! Внимание! Приготовиться к проверке документов! Внимание! В районе проводится полицейская операция! Не пытайтесь сопротивляться!

Из фургонов горохом высыпаются безы. Шлемы, защита, дубинки и щиты. Первая, мать ее, волна. СБА делает вид, что пытается навести порядок «адекватными мерами», посылает слабовооруженных безов в пуленепробиваемых брониках получить по репе. Через пять минут, сразу после вала панических сообщений о том, что «силы правопорядка» не могут справиться с разъяренной толпой, в дело пойдут ребята с автоматами. СБА устала от бунтов.

Кадр. Кадр. Кадр.

– Ты сдурел?! Они не любят!

– Внимание! Не пытайтесь сопротивляться...

– Стоять, придурки! Пальцы в анализатор!

Оружия у подозреваемых нет, времени у безов тоже, поэтому проверяют только на «синдин». Если в крови обнаружатся следы, получишь путевку на нары. А если в башке жужжит «поплавок», то пристрелят как «оказавшего сопротивление». СБА устала...

– Чистый!

– Чистый!

– Пошли вон отсюда, скоты!

И дубинкой по спине, чтобы суетились живее.

Жозе и Кристиан мчатся вверх по улице.

Капли падают на спутанные волосы, превращая их в сосульки. На удивление холодная, несмотря на лето, дождевая вода затекает за шиворот и струится по спине вниз. Тело дрожит. От воды и от мыслей, поглотивших душу Евы.

«Я умираю!»

Из офиса Пума вышла оглушенная. Операция, погром, обязательное убийство храмовника – все осталось там, в прошлой жизни, за чертой, которой стали слова проклятого Скотта:

«Вы умираете!»

Вот что он сказал.

«Вы умираете!»

Ева никогда не была пай-девочкой, да и трудно ожидать такого от женщины, прославившейся в качестве правой руки известного террориста. Азарт боевых операций не пугал Пуму, а заводил. Она давно привыкла ходить по краю, по лезвию, и не боялась за свою жизнь. Не боялась смерти. Или заставила себя не думать о ней? В любом случае погибнуть в бою и умереть от пропитавшего тело дерьма совсем не одно и то же.

«Я не хочу так!»

Ева совсем одна. Останавливается на перекрестке и прижимается к металлическому столбу светофора. Мокрой спиной к мокрому столбу. Мертвая Ева к мертвому железу.

А вокруг бурлит жизнь, даже кипит жизнь, потому что неподалеку идет погром, и погром в самом разгаре. Вокруг они все. Люди. Мир.

А Пума совсем одна.

«Я умираю!»

Но даже с этим приговором можно было бы смириться. В конце концов, все мы когда-нибудь умрем, а знание, что ты почти за чертой, способно подстегнуть на безумства. И в первый момент Ева думает именно так:

«Теперь меня никто не остановит!»

Ведь терять-то нечего!

Однако сволочной Скотт влил в нее весь заготовленный яд:

«Я слышал, прелаты посылали сообщение Сорок Два, который построил на употреблении „синдина“ свое мерзкое учение...»

Неужели прелаты рассказали Сорок Два об опасности «синдина»? Но как? Прислали сообщение на коммуникатор? Смешно. Приехали к нему?

«Он был в Мутабор! Мы с Розой сопровождали Сорок Два к храмовникам».

А следующая мысль скручивает душу Евы в вопящую от боли спираль:

«Так вот почему храмовники не дали Сорок Два „синдин“!»

Пророк сказал, что они отказали, поскольку ненавидят мир Цифры. Пророк сказал, что Мутабор стал врагом, и начал войну. А Мутабор пытался донести до Сорок Два, что «синдин» убивает.

«Но почему они не объявят об этом на весь мир?»

Потому что «синдин» и так убивает, как и любой другой наркотик. И кого взволнует, что у него есть дополнительный и весьма поганый эффект? Да никого! До тех пор, пока это не коснется лично.

«Ты предал меня, любимый... Ты меня предал...»

Пальцы Пумы ерзают по металлическому столбу, слезы на щеках смешиваются с дождевой водой, а губы тихо шепчут:

«Ты меня предал...»

– Ногами шевели, Крис, ногами! Хватит на сегодня! Нароботались! Хватит! Шевелись, твою мать! Не тормози!

Жозе тарахтит без умолку. Перенервничал, понятно. За творчество ведь Кристиан в ответе, он под пули и дубинки лезет, синяки, шишки и пинки от безов да бандитов получает. Кристиану знакомо, а вот Жозе к такому обороту непривычен, потому и тарахтит. Страх на волю выпускает.

– Идиот! В самое пекло... В самое!

Голос срывается, соскальзывает в забавный фальцет, но семенит Жозе быстро и друга за рукав тянуть не забывает.

– Домой, домой, пока они второе оцепление не выставили! Слышишь меня, художник? Домой надо... хоть пешком, хоть такси ловить...

– Да, да, да...

Кристиан тоже не в себе, он еще там, в пекле, среди погромщиков, жертв, пороха, гари и крови. Увлекаемый прочь, он продолжает озираться и, если замечает что-нибудь интересное, немедленно скидывает фотоаппарат. Женщина с разбитой головой прижимает ко лбу взмокший от крови платок, взгляд остановившийся – еще не оправилась от шока... Фотоаппарат выхватывает очередной эпизод и превращает его в память. Женщину тащит за руку какой-то длинный тип. Лица не видно. Муж? Друг? Если повезет – муж или друг. А если не повезет, в ближайшем тупике женщину ожидает продолжение неприятностей. Погром все спишет. Погром... Двое бродяг избивают хозяина лавки, третий потрошит кассу – все правильно, безы слишком заняты. Погром, мать его, погром... Поникшая девчонка...

Кристиан узнает. Удивленный, опускает фотоаппарат, не веря, что объектив поймал то самое лицо... то самое...

– Боже мой!

Хищница? Пантера? Тигрица? Она. Сомнений нет – она! Но что, ради всего святого, случилось? Что?! Кто у нее погиб?

Кристиан понимает, что видит Образ Горя. Величественный и ужасный Образ Горя во всем своем кошмарном совершенстве. Образ потери всего на свете, рапсодию безнадежности. Кристиан понимает, что ни одна из тех актрис, которым ему доводилось рукоплескать в лучших театрах Земли, ни одна из них неспособна столь выразительно и емко передать саму суть Трагедии.

Это надо пережить.

Через это надо пройти.

Тигрица раздавлена?

Нет. Ее больше не существует. Вместо яростной кошки под проливным дождем горбится хрупкий, теряющий последние лепестки цветок.

– Да что же случилось?!

– У кого? – Жозе, до которого только сейчас доходит, что фотограф остановился, начинает кричать: – Ты спятил? Мотаем, твою мать, всем не поможешь!

«Всем? Нет, Жозе, ты не прав: помочь можно всем. Всем! Кроме этой девчонки!»

Он, мужчина, пусть и не воин, не боец, но все-таки – мужчина, так вот, он не способен помочь маленькой, несчастной девчонке. Не в состоянии.

– Идем!

Чувствуя и стыд, и отвращение к себе, и злость, Кристиан поднимает фотоаппарат и давит на кнопку, сохраняя открывшийся ему Образ. А потом, увлекаемый Жозе в безопасный переулок, цедит сквозь зубы:

– Я хочу нажраться... Сильно нажраться... И девку...

– Будет тебе шлюха, – отрывисто обещает Жозе. – И вискарь будет, деньги еще есть.

– Хорошо, – отзывается Кристиан так, будто и впрямь верит, что шлюхи и алкоголь помогут ему забыть оставшуюся у столба девчонку. – Хорошо.

* * *

Анклав: Цюрих

Территория: Альпийская Поляна

Отель «Хилтон Эдельвейс»

Плохие обстоятельства не мешают хорошей драке

По-настоящему высокие гости требуют по-настоящему серьезного обхождения. В общении с ними важна каждая мелочь, каждая деталь, а потому Моратти, после долгих размышлений, выбрал для встречи с группой влиятельных верхолазов формат ужина. Не делового, но и не дружеского. Нейтрального.

Полуофициальная встреча прекрасно знающих и уважающих друг друга людей проходила в отдельном зале самого высокого отеля Цюриха, но не в знаменитом «Куполе», с которого открывался великолепный вид на Анклав, а в «Камелоте» – роскошном помещении, стилизованном под каминный зал рыцарского замка. Грубая кладка из натурального камня, тяжелая резная мебель, гобелены на стенах и бронзовые светильники создавали атмосферу готического Средневековья, времени частых междоусобиц и взаимного недоверия, что полностью соответствовало ожидаемому характеру беседы. Не деловой, не дружеской, но тяжелой.

Потому что времени оставалось все меньше и меньше.

Хотя началась встреча, как это принято у хорошо воспитанных людей, мирно. Съехались верхолазы, можно сказать, вовремя – всего с пятнадцатиминутным, как это принято у хорошо воспитанных людей, опозданием. Доусон из Долины, Хаммер из Хьюстона, Вашингтон

из Бостона, Бернштейн из Сиэтла, Ван Перси из Кейптауна, Койман из Эдинбурга и Пилле из Марселя. Финансисты и промышленники, за каждым из которых стоит мощная корпорация, а также весомая группа соотечественников-единомышленников. В «Эдельвейсе» собрался своеобразный сенат Анклавов, и большая часть этого неофициального органа весьма прохладно относилась к Кауфману.

Впрочем, на первых порах разговор вертелся далеко от Станции и директора московского филиала.

Отдав должное аперитивам и закускам и дождавшись, когда вышколенные официанты покинут зал, верхолазы подняли тему, что беспокоила их больше всего.

– Ник, – с обманчивой мягкостью обратился к Моратти Вашингтон. – Хотелось бы знать, когда СБА уроет Сорок Два. Очень хотелось бы.

Представитель Бостона славился прекрасными манерами, считался образцом джентльмена, и грубым определением «уроет» он продемонстрировал президенту Службы всю глубину своего раздражения.

– Проблема оказалась куда серьезнее...

– Куда серьезнее?!!

Ван Перси не воскликнул – он рявкнул. Причем так, что сидящие рядом Койман и Бернштейн вздрогнули.

– Ник, что за херню ты несешь? Сорок Два давно перестал быть проблемой – это дерьмо, в котором мы захлебываемся!

– Тритоны плодятся, как кролики!

– Мы вынуждены отключать выходы в сеть!

– Но эти твари продолжают лезть из всех щелей!

Верхолазы заговорили одновременно. Торопливо перебивая друг друга, они выплескивали наболевшее, орали и брызгали слюной, вращали глазами и потрясали кулаками. Воспитание и хорошие манеры полетели к черту – экономические волки, гении коммерческих интриг и принцы сверхприбылей бесились при мысли, что какой-то цифровой гуру способен потрясти основы их мироздания, и требовали крови. Вал ярости обрушился на президента СБА, но он был готов к такому развитию событий: слушал, впитывал, не отводил взгляд, всем своим видом показывая, что всё понимает и всё признает.

– Тритоны практически обрушили электронные расчеты...

– Люди перестали доверять банкам и вернулись к наличным. Тебе сказать, к чему это привело?

– Всплеск обычной преступности.

– В Марселе стреляют даже днем.

– В Сиэтле тоже...

– У нас дело дошло до массовых беспорядков, – вставил Ван Перси.

– Не только у вас!

– Анклавы штормит.

И штормит изрядно, если уж самые высокие верхолазы озаботились ситуацией на улицах. В Анклавах частенько стреляли днем, но только в соответствующих районах. Теперь же ребята с пушками добрались до корпоративных территорий.

«Качается, но не тонет», – вспомнил Моратти древний девиз Парижа. Еще того Парижа, который без «Эль-». Качался... И удержался, стал Эль-Парижем, но не утонул. Повезет ли Анклавам?

– У тебя есть план?

Громкий голос Хаммера заставил верхолазов умолкнуть и уставиться на Ника.

– Только ужесточение мер, – развел руками президент СБА.

– Ты издеваешься?

«Нет, вашу мать, я говорю как есть!»

– Мы разработали и проводим в жизнь комплекс мер, направленный на ограничение производства и распространения «синдина». Мы планируем сделать наркотик настолько дефицитным, насколько это возможно. Кроме того, вводятся новые законы, ужесточающие наказание за использование «поплавков». Мы стремимся к тому, чтобы принятие троицы стало для тритонов выбором между жизнью и смертью, и мы этого добьемся.

– Когда?

– И когда ты избавишь нас от самого Сорок Два?

– Месяц, – уверенно произнес Моратти. – Это ответ на второй вопрос. Я ручаюсь, что в течение месяца ликвидирую пророка. Мои люди уже рядом.

– Месяц – это много.

– Ник сказал «в течение месяца», вполне возможно, нам нужно продержаться всего пару недель.

Некоторые верхолазы вздохнули с облегчением – ненавистная тварь скоро умрет, однако Доусон смотрел дальше коллег.

– Смерть Сорок Два не очень поможет.

– Она будет иметь моральное значение, – подтвердил президент СБА. – К сожалению, механизм запущен, и справиться с тритонами будет непросто.

– Сколько же нам еще сидеть в дерьме?

– Справиться с «синдином» и подпольным производством «поплавков» до конца не удастся, поэтому атаки тритонов станут вечными, – честно заявил Моратти. – Но нынешний кризис мы преодолеем.

И дал незаметный знак вносить следующую перемену блюд.

В положении хозяина есть свои плюсы: ты сам режиссируешь разговор, вводя отвлекающие факторы. Верхолазы умолкли. Сначала потому, что в зал вошли официанты, затем – отвлекшись на еду. Моратти лично встречался с поварами и приказал вывернуться наизнанку, но приготовить такой обед, чтобы от запаха и вида подаваемой еды закружилась голова даже у прожженных гурманов. Судя по результату, затея удалась. Сначала высокие гости восприняли появление официантов с раздражением, однако игнорировать появившиеся яства не стали, взяли за приборы и... постепенно расслабились. Хорошая еда способна поднять настроение кому угодно.

Ник же, отдавая должное мастерству поваров, не забывал следить за гостями и, убедившись, что каждый из них выпил не менее бокала вина, легко, словно продолжая только что прерванную беседу, произнес:

– В действительности же, друзья, Сорок Два – лишь часть глобальных проблем, которые у нас имеются.

Попытка перевести разговор на другую тему удалась.

Первым среагировал Хаммер:

– Ты говоришь о флоте, что скопился у нашей Станции?

– В том числе.

– Мы обсуждали его появление полтора месяца назад, – припомнил Бернстайн. – Ты сказал, что государства тупо играют мускулами и опасаться нечего.

– У тебя есть новые данные?

– Говорят, ты встречался с китайцами.

– И с китайцами тоже, – хладнокровно подтвердил Моратти. – А еще с индусами, европейцами и вудуистами. Со всеми, кто направил корабли в Баренцево море.

– И что?

Вместо ответа президент СБА откинулся на спинку стула и обвел гостей медленным взглядом. Сейчас, когда они, переключившись на Станцию, на время забыли о Сорок Два, можно позволить себе чуть больше театральности.

– На основании последних переговоров я могу с уверенностью сказать, что в случае невыполнения их условий государства пойдут на штурм.

– Черт!

Вытянувшиеся лица верхолазов продемонстрировали, что новость, мягко говоря, не обрадовала.

– Ты уверен?

– Более чем.

– Но почему?

– Государства рвутся к технологии.

– Они получают ее после запуска.

– Сначала ее получают корпорации.

– Не сначала, а одновременно. – Хаммер тяжело посмотрел на президента. – Какой у государств повод?

Объяснить жесткую позицию простым желанием заполучить новую энергию нельзя. Верхолазы, даже пребывающие в панике от действий Сорок Два, не потеряли способность думать и анализировать ситуацию. Штурм Станции, даже его угроза – это открытый вызов Анклавам, и для таких действий должна быть веская причина.

– Если я правильно понял, то вывод такой: победили паникеры, – объяснил Моратти. – Завеса тайны, которая окутывает строительство, заставляет государства нервничать, они боятся, что Мертв... что Кауфман создает глобальное оружие.

– Чушь!

– В свое время мы тоже так думали, – кисло заметил Бернстайн.

– До тех пор, пока наши эксперты не провели детальный анализ.

– У государств нет столь же умных ребят, какие есть у нас.

– Но ведь мы делились с ними результатами расчетов.

– Они не обязаны нам верить.

Доусон жестко посмотрел на Моратти:

– Что мы можем?

– Ничего.

Нечасто собравшиеся в «Эдельвейсе» толстосумы слышали столь категорический ответ. Ничего? Это они-то ничего не могут?!

– А если подумать?

– Если подумать, то даже меньше, чем ничего, – мрачно продолжил Ник. – Мы не в состоянии вести войну, наше положение обусловлено научным, а главное – экономическим превосходством над государствами. Мы контролировали экономику планеты, но сейчас Сорок Два сводит это преимущество на нет.

– Нас лихорадит, – буркнул Ван Перси.

– Называй вещи своими именами, дружище, – мы в кризисе, – зло усмехнулся Бернстайн.

– И политики решили вывернуть нам руки.

– Или добить.

– Ник прав: сейчас мы не сможем засунуть их в экономическую задницу по той простой причине, что сами в ней сидим.

– Можем.

– Но потеряем до черта.

– Больше, чем на Станции?

Моратти понимал – верхолазы считают, проводят предварительный анализ, пытаются понять, что им выгоднее.

Хитрые москвичи добились того, что в Станцию вложились все независимые корпорации. Все планировали урвать жирный кусок, а многие выдали «Науком» и дополнительные займы, исчислявшиеся миллиардами юаней. Теперь же властители транснациональных монстров пытались сообразить, при каком развитии событий они потеряют больше.

– Это вопрос переговоров, – хмыкнул Хаммер. – Мы, конечно, в кризисе, но если поднажмемся, то сумеем обрушить тот клубок противоречий, который все называют мировой экономикой. Правительства не могут это не понимать.

– Хочешь сказать, что у нас есть козыри?

– Лечь под государства мы всегда успеем. Вопрос в другом: если их пугает Мертвый в роли царя горы, необходимо развеять эти сомнения.

– Провести экскурсию по Станции?

– И детально объяснить ее устройство.

– Ты веришь Мертвому?

– Я вынужден верить, поскольку серьезно вложился в строительство.

– С чем тебя и поздравляю.

– Ты, насколько я помню, тоже не остался в стороне.

– Парни, парни, вы спорите не о том. Нам нужна концепция.

– И встреча с политиками. Нужно выбрать переговорщиков и вправить этим придуркам мозги.

– Будем защищать Мертвого?

– Свои инвестиции.

– И свое будущее.

– Что ты имеешь в виду?

– Если мы прогнемся сейчас... Подчеркиваю, – Хаммер поднял вверх указательный палец, – если мы прогнемся именно сейчас, под давлением силы, это станет концом Анклавов. Через полгода в совет директоров каждой корпорации войдут представители государственных фондов.

«Он встречался с Мертвым? – подумал Ник. – Или же всё настолько очевидно?»

– Это еще почему? – осведомился Пилле.

– Потому что глупо не взять то, что можно взять, – объяснил американец. – И не надувай губы, старина, ты на их месте поступил бы точно так же. – Он с улыбкой оглядел коллег-верхолазов. – Каждый из нас поступил бы так, парни. И мы всегда так поступаем: давим, а если поддается, забираем. Кто-нибудь хочет поспорить?

Желающих не нашлось.

– Или мы держимся, или нас съедают. Сейчас нелегкие времена, парни, но это не повод сдаваться. Совсем наоборот: это повод драться.

– Если они разбомбят Станцию, у нас не будет ничего.

– Мы должны донести до них мысль, что у всех ничего не будет. Что мы пойдем до конца.

– На что ты надеешься? – поинтересовался Койман.

– На космос, – коротко и веско ответил Хаммер. – Кауфман сукин сын и подонок, но у него есть козырной туз – энергия, которая откроет нам путь наверх. Мы грызем друг друга за остатки ресурсов, а там, за пределами шарика, скрыты такие сокровища, что мы не в состоянии даже осознать их капитализацию. Там наше будущее, парни. Там наша прибыль. Там наша власть. И государства, поверьте мне на слово, это прекрасно понимают. Они не боятся глобальной пушки, они не хотят отдавать нам космос. Потому что, как только мы туда выйдем, эра государств закончится.

– Останутся только Анклавы?

– Корпорации, мои дорогие друзья и конкуренты, – уверенно заявил американец. – Остаемся только мы с вами.

Моратти улыбнулся, но в его душе пылал яростный вулкан. Президент СБА рассчитывал, что напуганные верхолазы помогут ему надавить на Кауфмана, прислушаются к его доводам, которые... которые он даже не успел изложить. Проклятый Хаммер, который не раз и не два доказывал, что ненавидит русских, спутал все карты. Взял и поддержал Кауфмана.

– Так что же нам делать? – негромко спросил Ван Перси.

Остальные верхолазы молча смотрели на американца. Они догадывались, что услышат в ответ, но хотели услышать. Слово должно быть произнесено.

– Драться, парни, драться.

– А если проиграем?

– Как я уже говорил, лечь под государства мы всегда успеем, – хладнокровно ответил Хаммер. – Койка для нас готова, как только согласимся, мигом в нее уложат. – Он с усмешкой посмотрел на Моратти: – Распорядись насчет следующей перемены блюд, Ник. Нам нужно обсудить решение, которое мы только что приняли.

* * *

Территория: нейтральные воды

Баренцево море

Авианосец «Зенг Хе»

Нет ничего лучше утренней прогулки на свежем воздухе

– Море спокойное, товарищ адмирал, – доложил капитан Ли. – Под утро волнение достигало четырех баллов, но сейчас не превышает двух.

Фраза прозвучала хоть и вежливо, но не по форме, однако замечание капитану «Зенга Хе» Бодуань делать не стал. Ли был сыном его старого друга, вырос на глазах адмирала, а потому имел право на некоторые вольности. В разумных пределах, разумеется. Не будь капитан блестящим офицером, адмирал ни за что не добился бы его назначения на флагманский корабль своей эскадры.

– Как соседи?

– Стоят, как договорились.

– Посмотрим.

На огромном тактическом мониторе отображалось положение всех эскадр в режиме реального времени. В случае необходимости Бодуань мог переключиться на обзорный режим и получить картинку либо с дирижабля, либо со спутника, посмотреть на каждый корабль сверху с превосходным разрешением, позволяющим даже понять, насколько хорошо вымыты палубы, но... Но вместо этого адмирал поднял воротник тужурки, поправил фуражку, взял бинокль и вышел на открытую, продуваемую злым северным ветром часть мостика.

«Ты должен все видеть своими глазами», – наставлял когда-то Бодуаня старый капитан Ван, и адмирал чтит слова учителя.

Электронная карта – это хорошо, спутниковая разведка – замечательно, тактические компьютеры, обрабатывающие колоссальные потоки информации, – великолепно, однако настоящий командир не имеет права полагаться лишь на безликие доклады. Настоящий командир обязан впитывать диспозицию в себя, чужать ее кожей, отчетливо понимать, куда, в случае необходимости, будут стрелять его люди.

– Дистанция соблюдается точно, – произнес последовавший за Бодуанем Ли.

Впрочем, мог бы и не уточнять.

Командующие собравшихся в Баренцевом море эскадр сразу договорились насчет дислокации, определились с границами зон и строго их соблюдали. А также в обязательном порядке предупреждали друг друга о прибытии вспомогательных судов. Когда на пяточке радиусом в двенадцать миль дрейфуют несколько десятков кораблей, напичканных оружием, как хлопушка конфетти, вежливость становится ключевым условием сосуществования.

– Европейцы до сих пор не увели последнюю подлодку, – доложил капитан. – Хотя еще вчера сообщили, что снимают ее с дежурства.

– Не увели и не увели, – пожал плечами адмирал, поднося к глазам бинокль. – В конце концов, это их дело.

Европейцы, то есть Вторая эскадра Северного флота под командованием вице-адмирала Мохаммеда Назири, дрейфовали к востоку от эскадры Бодуаня. Два авианосца, два вертолетоносца, четыре атомных ракетных крейсера, куча кораблей сопровождения и даже ледокол, неизвестно зачем взятый арабами в поход, – самый многочисленный отряд из пришедших в Баренцево море. Близость континента позволяла европейцам вести себя как дома.

За ними, еще дальше на восток, стояли индусы под командованием контр-адмирала Сикха. Стояли далеко, и Бодуань смог различить лишь контур их флагмана.

– Тридцать минут назад звено истребителей с «Ганди» начало плановый вылет, – сообщил капитан, который понял, на кого смотрит адмирал. – Мы держим их на радаре.

– Хорошо.

Бодуань обошел рубку и уставился на экспедиционный отряд Двенадцатого флота Конфедерации Католического Вуду. Авианосец «Гордость Калифорнии», четыре ракетных крейсера и атомный транспорт «Боливия». Вудуисты первыми начали строить огромные вспомогательные суда, что позволило им существенно экономить нефть. Командовал отрядом адмирал Андерсен.

– Кажется, никто не исчез, – пробормотал Бодуань.

– А было бы неплохо, – поддержал шутку капитан.

– Не забывай, что мы почти союзники.

– Как можно, товарищ адмирал?

Офицеры рассмеялись.

Союзники! Ну да, сейчас – союзники. До тех пор, пока политики не урегулируют вопрос со Станцией. Однако через месяц или год они могут получить приказ атаковать того же самого Андерсена или Сикха, а потому и командующий эскадрой, и капитан его флагмана смотрели на соседей цепко, машинально задерживая взгляд на вооружении и уязвимых местах.

– Сегодня вечер «Клуба», – негромко произнес Бодуань. – Присоединишься ко мне?

– С удовольствием, товарищ адмирал! – обрадовался Ли.

– В таком случае будь готов к шести. – Адмирал помолчал, наблюдая за вынырнувшим из-за «Боливии» катером, и добавил: – Поспи после вахты.

– Слушаюсь!

Неформальный «Клуб адмиралов» возник через неделю после того, как отряды встали у русских берегов, и собирал только высших офицеров для приятного времяпрепровождения в баре или за карточным столом. Сегодня гостей принимал Сикх, который обещал потрясающий ужин в национальном стиле.

– А завтра выступаем в небольшой поход, – закончил Бодуань.

– Началось? – Капитан подобрался.

– Нет, – улыбнулся адмирал. – Проведем показательные маневры и отработаем взаимодействие с союзниками.

* * *

Анклава: Франкфурт

Территория: Zwielfichtsviertel

Все любят добрых феи

«Мы не фотографируем, мы отражаем время».

Так говорил Зепп Калинин, первый и единственный учитель Кристиана. Старый, седой как лунь фотограф, разглядевший талант в бегающем по грязному двору мальчишке. Разглядевший, как вспыхивали глаза пацаненка при виде камеры и разнокалиберных объективов, как придирчиво отбирал маленький Крис кадры из «балалайки» – подсмотренные картинки повседневной жизни марсельских трущоб – и приносил их ему, некогда знаменитому мастеру, доживающему век в нищете и безвестности. «Посмотрите, дядя Зепп, я все правильно сделал?»

Конечно, правильно, Крис, ведь кто еще, кроме тебя, обратит внимание на эти сценки? Кто поймет, что в них скрыта сама жизнь?

«Мы – динозавры, Крис. Последние из тех, кому интересны детали, мелочи и... люди. Мы – совершенные зеркала, отражающие мир».

Именно так – совершенное зеркало.

Ты должен стать им, потому что иначе твое искусство никого не заинтересует. В век «балалаек» любое событие записывается тысячью глаз со всех ракурсов одновременно и оказывается в сети раньше, чем его участники понимают, что все закончилось. В век «балалаек» всех интересует действие, информация, ролик, который забывается через десять минут после просмотра. А потому один-единственный, зорко вырванный из мира кадр обязан быть гениальным, берущим за душу, нервным – должен остаться в зрителе, притянуть его взгляд и душу.

«Чувства, Крис, эмоции и чувства – это настоящее. Мимолетное, но настоящее, все остальное – формулы».

И Кристиан старался.

Работал как вол, оттачивая, доводя до автоматизма врожденное чутье на кадр, на длящуюся несколько мгновений сценку, на молниеносный всплеск эмоций. Никогда не опускался до постановки. Безжалостно браковал кадры, за которые иные фотографы продали бы душу. Хотел стать совершенным зеркалом.

И стал.

В двадцать пять лет у Кристиана состоялась первая персональная выставка в небольшой галерее, хозяин которой был очарован увиденными работами. Грандиозный успех сделал Кристиана знаменитым, открыл двери на лучшие площадки мира и... едва не убил.

Успех или «синдин»? Или они шли рука об руку?

Нет, «синдин» появился позже, на волне успеха, когда показалось, что знаменитый наркотик поможет чувствовать еще тоньше, увидеть то, чего не разглядеть без него. Не помог. Зато едва не убил.

Кристиан преодолел прошлое, однако подняться на вершину во второй раз оказалось гораздо сложнее, чем в первый. Ведь теперь у него была репутация наркомана, то есть, как ни смешно это звучит в пропитанном «синдином» мире, плохая репутация. От него отвернулись все, кроме Жозе. Его отшвырнули на обочину, заставили ютиться в малюсенькой двухкомнатной квартирке глухого района Франкфурта, перебиваться случайными заработками и надеяться на чудо. Только на него.

– Блестящий снимок! – восхитился Жозе, глядя на поверженную тигрицу. – Черт! Как ты ее поймал?

– Увидел, – пожал плечами Кристиан, стараясь не смотреть на монитор коммуникатора, на который друг вывел застывшую под дождем тень хищницы.

– Поэтому ты, мать твою, и гений. – Жозе покачал головой. – Махмуд Кеннеди обалдеет от этого кадра.

Хотел добавить еще что-то, однако его сбил затянувшийся призыв муэдзин – настало время расстелить коврик.

В самом Zwielichtsviertel мечетей не было, в этом районе вообще не строили храмов, дабы не создавать на смешанной территории лишних проблем. Однако дом друзей располагался на границе с Золотым Оазисом – самой большой исламской территорией Франкфурта, и пять раз в день в распахнутые по случаю жары окна влетал призыв к молитве.

– Кстати, о наших друзьях мусульманах... – пробормотал Жозе, прищуриваясь на виднеющийся неподалеку минарет. – Мы здорово потратились на пирушку, а Хасим требует оплатить квартиру.

– Придумай что-нибудь, – предложил Кристиан.

– Я придумал тебе на виски.

– Хочешь сказать, что теперь моя очередь?

– Ага, – подтвердил Жозе, ловко прихлопывая выскочившего из-под плиты таракана.

Они сидели на кухне, обставленной старой, изрядно обшарпанной мебелью, помнившей всех предыдущих арендаторов. На грязной плите сковорода с остатками скудного завтрака, на маленьком столике две чашки ненастоящего кофе. Перспектив никаких, зато есть жаждущий денег Хасим.

Имеет смысл повесить на дверь табличку: «Срочно требуется чудо!»

– Продай какие-нибудь кадры, – предложил фотограф.

– Даже если я продам все, что ты наснимал за последние дни, нам хватит разве что на пару недель, – вздохнул Жозе. – Сейчас твои снимки стоят дешево.

Нужна выставка. А для выставки нужны качественные кадры. А для них нужно время. А время требует денег.

Свободные художники редко бывают уверены в завтрашнем дне, гораздо чаще они знают, что завтра по-прежнему будут на дне.

– Ты ведь не просто так завел разговор, – протянул Кристиан. – Чего ты хочешь? Снять какого-нибудь верхолаза?

– У тебя до сих пор полно фанатов, которые с удовольствием выложат кучу бабок за семейный альбом.

– Я не делаю постановочные фото. – Кристиан скривился. – В конце концов, я этого просто не умею.

– Но ведь они не знают!

«Мы динозавры!»

Или ты в высшей лиге, или придворный фотограф, или никто. Искусство требует постоянной, ежедневной охоты на улицах, а фотосессия в особняке – минимум неделя. Но останется ли что-нибудь от Кристиана, если он начнет снимать напыщенных богачей? Возвращение в профессию далось ему тяжело, себя прошлого, себя, способного почуять кадр, как это случилось с тигрицей, Кристиан восстанавливал буквально по кусочкам, хорошо знакомым с детства каторжным трудом, и очень боялся растратить с таким трудом вернувшееся мастерство в особняках верхолазов. Он рвался не к деньгам, а на вершину.

– Пять дней работы, и мы обеспечены на пару месяцев.

Дать ответ Кристиан не успел.

– Боже, что за дыра!

Они не услышали, как открылась дверь: то ли разговором увлеклись, то ли гостья постаралась. В любом случае – проморгали. А потому одновременно подскочили и удивленно вытаращились на вошедшую женщину. Нереальную для их обители женщину.

– Привет, ребята!

Светлый локон кокетливо выбивается из-под хиджаба. Рукава белой блузки строго длинны, однако вырез велик, демонстрируя сведенные полушария пышной груди. Черная юбка плотно облегает крутые бедра – фигура северной богини, от которой положено сходить с ума любому приличному шейху. Огромные голубые глаза, чуть вздернутый носик и пухлые губы заканчивали фантастический образ, доводя его до совершенства.

Когда волна удивления схлынула, Кристиан понял, что над лицом красавицы тщательно поработали пластики, но разве это важно?

– Поговорим?

Жозе подскочил и суетливо подал даме стул.

– Прошу.

И даже рукой по сиденью провел... как слуга.

Женщина кивнула, уселась, с легкой улыбкой оглядела Жозе, после чего перевела взгляд на застывшего у окна фотографа:

– Вы ведь Кристиан Кук?

– Можно сказать и так, – кашлянув, подтвердил Кристиан и опустил на подоконник, с которого подскочил при появлении гостыи.

– А я его агент, Жозе Гомеш.

– Я знаю, кто вы, – мягко отрезала женщина, продолжая смотреть на фотографа. – Меня зовут Агата Ван Свит, я представляю человека, который...

– Который хочет заключить с нами контракт? – не выдержал Жозе.

Годы в нищете не прошли даром – Гомеш совершенно растерялся при появлении действительно стоящего клиента.

– Можно сказать и так, – подтвердила Агата, одарив фотографа лучезарной улыбкой. На агента она не смотрела.

То, что женщина использовала его оборот, заставило Кристиана взять слово:

– Я должен заполнить чей-то домашний альбом?

– Это будет дорого стоить... – затараторил Гомеш. – Видите ли, мадам, мы снимаем эту квартиру для того, чтобы быть ближе к событиям, чтобы окунуться в Анклав. А на самом деле у Криса необычайно много заказов.

– На самом деле мне известно о ваших обстоятельствах всё. – Агата добавила в голос чуть-чуть льда. – Я знаю, сколько вы заработали за последние три месяца, с точностью до динара. Я могу сказать, кому вы продавали работы господина Кука, а кто отказался их покупать. Я могу назвать имя верхолаза, к которому вы ходили вчера с предложением сделать семейную фотосессию.

Гомеш густо покраснел и исподлобья посмотрел на друга.

– Я не мог не попытаться.

– Все в порядке, Жозе, – ободряюще улыбнулся фотограф. – Все в порядке. – И уже совсем другим, жестким и деловым тоном поинтересовался у женщины: – Лично мне плевать на вашу осведомленность, Агата. Что я должен сделать?

– Отобразить мир.

Кристиан вздрогнул. Он ожидал любого ответа, кроме этого.

– Объясните.

Жозе взлохматил волосы и присел на краешек второго стула, находившегося за спиной женщины.

– С удовольствием. – Агата положила руку на стол. Украшающие ее браслет сапфиры дружно сверкнули. – Человек, на которого я работаю, с этого момента я стану называть его Заказчиком, большой ценитель искусства и вашего таланта, господин Кук.

– У него есть вкус, – пробормотал Жозе.

Агата оставила замечание без ответа.

– Он распорядился отыскать вас и предложить работу, которая заключается в создании альбома, отображающего современный мир. Отображающего вашими глазами, господин Кук, если дословно, то: вашими глазами и вашим талантом. Так выразился Заказчик. Он хочет увидеть мир таким, каким его видите вы. Он хочет получить от вас тысячу фотографий.

– Это серьезная работа, – пробубнил Жозе.

– Вы не ограничены во времени.

– Мир – это слишком, – бросил Кристиан, отворачиваясь к окну. Перед глазами привычно взметнулся минарет. – Я вижу только Франкфурт.

– Мы расширим ваш кругозор, – пообещала женщина. – В случае подписания контракта вы поступаете на полное обеспечение Заказчика: проживание в любом отеле, транспорт в любое место земного шара, которое покажется вам интересным, охрана...

– Охрана? – наострил уши Жозе.

– Нас будут сопровождать сотрудники «Швейцарской гвардии», – небрежно произнесла Агата. – Заказчик привык защищать свои вложения.

– Черт! – Гомеш вновь взлохматил волосы.

«Швейцарская гвардия» являлась самой дорогой на планете частной охранной организацией. Ее сотрудники – сплошь бывшие безы – сопровождали самых, так сказать, верхолазских верхолазов из всех верхолазов и гарантировали безопасность на уровне СБА. Контракт с «Швейцарской гвардией» говорил о гигантской платежеспособности таинственного Заказчика.

– Ваше предложение похоже на золотую мышеловку, – пискнул Жозе. – Зачем приставлять охрану к свободному художнику?

Он просто не знал, что сказать. А вот Кристиан – знал.

– Почему я? – спросил фотограф, продолжая смотреть в окно.

– Заказчик уверен, что вы лучше других справитесь с задачей.

– В чем подвох?

– Не подвох, а условия, – уточнила Агата.

– Называйте.

– Вы будете отдавать мне все без исключения работы, которые сделаете во время контракта. Заказчик будет просматривать их и отбирать те, которые ему понравятся. Отобранные файлы поступают в полную собственность Заказчика, вы о них забываете, остальные возвращаются вам. И так до тех пор, пока не наберется тысяча снимков. Гонорар – миллион юаней.

Жозе поперхнулся пивом, которое налил себе во время речи Агаты.

– Шутите? Да мы за эти деньги...

– Я прекрасно знаю, на что вы готовы ради таких денег, – ровно произнесла женщина. – Аванс – сто тысяч юаней. Я перечислю его сразу, как только вы согласитесь.

– А если не соглашусь?

– В этом случае я уполномочена предложить вам два миллиона юаней, но с тем же авансом.

У Жозе отвалилась челюсть.

Кристиан медленно повернулся, внимательно посмотрел на Агату и негромко спросил:

– Заказчик знает, что я всего год, как соскочил с «синдина»?

Жозе застонал, однако его страх оказался напрасным.

– Кажется, я упоминала, что мне известно о ваших обстоятельствах всё, – улыбнулась Агата. – А Заказчик, судя по всему, знает о вас даже то, чего вы сами о себе не знаете.

– Последний врач, который меня лечил, забрал остатки моих сбережений, – медленно произнес Кристиан, припоминая недавнее прошлое. – Но их все равно не хватило бы на курс, который он проводил. Тогда я не задумался об этом, но ваше предложение... – Быстрый взгляд на женщину. – Заказчик оплатил мое выздоровление?

– Мне об этом ничего не известно.

Несколько секунд фотограф молчал, после чего кивнул.

– Пожалуй. – Вновь отвернулся. – Значит, мое прошлое его не смущает?

– Заказчик сказал, что художник уже победил наркомана.

– Откуда он знает?

– Заказчик видел ваши последние фотографии.

– Приятно, что я хоть кому-то интересен.

– Заказчик сказал, что вы готовы создать лучшую работу в жизни.

– Которую увидит только он.

– Заказчик готов платить, – пожала плечами Агата. – Найдите, кто еще согласится.

– Два миллиона, – прошептал Жозе, опустошая вторую подряд банку пива. – Два миллиона...

Предложение неожиданное, необычное, дикое, привлекательное. Отобразить мир в тысяче кадров... Это вызов, пусть даже и рожденный скукой чокнутого верхолаза. Можно ли считать предложение формой работы придворным фотографом? Или это другое?

– Для альбома уже готово название, – очень мягко произнесла женщина. – Вам оно понравится.

– Назовите, – угрюмо попросил Кристиан.

– «Хаосовершенство».

Необычно, дико и привлекательно. Фотограф прищурился:

– Что это значит?

– Это значит, что очень скоро недостатка не будет ни в том, ни в другом, – объяснила Агата. – И настоящий художник должен сильно постараться, чтобы обратить все это в образы времени. – Женщина помолчала. – Вам доверено написать последнюю главу мира, господин Кук.

– Бывшему наркоману?

– Каждый мир получает того художника, которого заслуживает.

* * *

Анклав: Эдинбург

Территория: Punkground

Ночной клуб «Клеици»

Чем выше поднимается человек, тем шире его интересы

Состоявшаяся в «Эдельвейсе» встреча окончательно убедила Моратти в том, что столкновение неизбежно. Мертвый, получивший неожиданную, но оттого еще более весомую поддержку недолюбливающих его верхолазов, пойдет до конца. Правительства не уступят – у них попросту нет иного выбора. Вероятность того, что все закончится уничтожением Станции, повышается процентов до девяноста, а значит, необходимо предпринять все возможные шаги для получения информации о новой энергии, ибо тот, кто ею завладеет, сможет требовать любую награду.

А для того, чтобы нынешние правители мира были более покладистыми, необходимо «взбодрить» человека, доставляющего им самые серьезные проблемы.

Моратти вытащил из ящика стола незарегистрированный коммуникатор и по памяти набрал номер. Ответ на вызов пришел практически сразу:

– Добрый день.

– Вы доставляете все больше и больше хлопот, дружище, – с мягким нажимом произнес Ник.

– Разве не это было нашей целью? – «удивился» Сорок Два.

Видеорежим собеседники не включали, поэтому пророк постарался передать эмоцию голосом.

– Нашей целью был и остается «синдин».

– Мы его получим.

– Когда?

Сорок Два нахмурился – ему категорически не нравился тон, который Моратти начал использовать примерно неделю назад. Тон недовольного начальника.

Тем не менее пророк сдержал рвущийся ответ, ограничившись нейтральным:

– Я уверен, что смогу додавить храмовников.

– Мелкими укусами?

Сорок Два скрипнул зубами.

Некоторое время назад в его распоряжении оказалось пять «Тек-9», пять мини-фабрик по производству «поплавков» – самых мощных процессоров современности, одного из базовых элементов троицы. «Теки» открывали перед движением широчайшие перспективы, однако усилия, которые потребовалось приложить для получения фабрик, разозлили всех верхолазов планеты. «День Сорок Два», когда тритоны, добывая необходимые средства, остановили мировую экономику, привел их в ярость. От Моратти потребовали вывернуться наизнанку, но наглеца ликвидировать, и Сорок Два понимал, что Ник справится. Можно бегать от СБА и китайцев, от ФБР и Европола, но нельзя бегать от всех сразу, особенно когда они, объединившись, получили карт-бланш на самые жесткие меры. Пять «Тек-9» могли поднять волну мирового уровня, но для того, чтобы ее вызвать, требовалось время, и Сорок Два предложил Моратти сделку: он атакует Мутабор, пытаясь выдавить из храмовников секрет «синдина», а Ник не торопится разворачивать настоящую охоту.

Моратти, в свою очередь, рассматривал Сорок Два в качестве прекрасного инструмента для решения грязной тактической задачи по удержанию в узде верхолазов. А поскольку Ник понятия не имел о наличии у Сорок Два «Теков», зато был заинтересован в получении секрета «синдина», они договорились.

Однако пока что сей странный союз не приносил вожаемых плодов. Мутабор реагировал на атаки совсем не так, как ожидалось, точнее, вообще никак не реагировал. Прокатившиеся по всему миру убийства не вызвали ответной волны насилия. Мутабор поддавался и отступал. Отступал и поддавался. Не предлагал переговоры пророку и не обращался к СБА.

Вел себя непонятно.

– Ты должен ударить сильнее, – твердо произнес Моратти. – Ты должен нанести удар по зонам храмовников.

Штурмовать хорошо защищенные территории Мутабор, охрану которых несли знаменитые, наводящие ужас на врагов Милостивого Владыки прятки, – совсем не то же, что устраивать одиночные убийства и погромы разбросанных по городам и Анклавам медицинских офисов. Штурмы будут кровавыми, будут сопровождаться массовыми беспорядками, однако Моратти предложил, а Сорок Два согласился:

– Договорились. – «Синдин» – это ключ к будущему, ключ к могуществу, ради него можно пойти на что угодно. – Я знал, что до этого дойдет, и готовил планы. Недели через две-три мы ударим так, что Мутабор задрожит.

– Ты знал, что до этого дойдет? – с легким изумлением спросил Ник. – Не верил в здравомыслие Милостивого Владыки?

– Я ведь пророк, – усмехнулся Сорок Два.

– Ах да... – Моратти покачал головой, после чего осведомился: – А мою просьбу не забыл?

Сорок Два не совладал с собой – скривился. И возникшая пауза стала очевидным ответом на вопрос.

– Судя по молчанию, ты ее не выполнил.

– Я не смог найти никого из великих, – нехотя признал Сорок Два. – Те из них, которые теоретически должны быть живы, чертовски хорошо спрятались.

– И не вышли из подполья, услышав обращенный к ним голос цифрового пророка? – издевательски осведомился Ник. – Не хотят строить Эпоху Цифры?

– Они признали мое превосходство, – самодовольно заявил Сорок Два. – Не хотят высываться, потому что рядом с моими достижениями их подвиги выглядят жалко.

– Ну да, – не стал спорить Моратти. – Но просьба остается в силе: мне срочно нужен кто-нибудь из них.

– Почему обязательно великий? – Пророк, который знал, для чего президенту СБА понадобился специалист такого уровня, спрашивал об этом уже не в первый раз. – Станцию извне не сломать, а изнутри справится любой толковый ломщик.

– Я не собираюсь доверять серьезное дело обколотому тритону.

– Спасибо.

– Не за что. – Моратти отвечивал обидные щелчки мимоходом, плевать он хотел на чувства сетевого террориста. – Зная этого параноика Мертвого, я не сомневаюсь, что даже изнутри Станция защищена наилучшим образом, а потому необходим ломщик высочайшего класса, настоящий талант, способный вырасти только на свободе. Учитывая, что времени остается все меньше, я готов снизить притязания: дай мне алмаз, дай мне парня, который стал бы великим, родись он раньше.

Сорок Два прекрасно понимал, что «алмаз» не проживет долго: его убьют сразу после взлома, Моратти нужны секреты, но не свидетели. Сорок Два понимал, но отказывать президенту СБА не стал:

– Я пришлю парня.

– Не забудь.

Моратти отключился.

«Просьба, да? – От бешенства у пророка свело пальцы. – Алмаз тебе нужен? Настоящий талант?»

И ведь кого угодно не подсунешь, Ник не дурак, он тщательно проверит квалификацию присланного «таланта», а значит, придется жертвовать кем-то из действительно толковых ребят.

Ярость схлынула, и Сорок Два погрузился в размышления.

«Моратти отыскал путь на Станцию и хочет украсть секреты Мертвого, получить информацию о новой энергии...»

За такой подвиг президенту СБА простят что угодно. А если диверсанты Ника сумеют не только получить сведения о новой энергии, но и отсрочат запуск Станции хотя бы на несколько месяцев, дав конкурентам время догнать Мертвого, Моратти и вовсе памятник поставят. Из чистого, мать его, золота.

Сам Сорок Два на Станцию не охотился, поскольку ее появление играло движению на руку: новому человеку нужны новые горизонты, которые открывает новая энергия. Всё, нейрошланг вам в задницу, новое, настолько новое, что даже краска не облупилась.

В стратегическом плане Станция открывала перед нейкистами грандиозные перспективы, однако поразмыслив, Сорок Два решил, что глупо оставаться в стороне и не попытаться сыграть в игру, которую затеяли вокруг строительства сильные мира сего.

«Тебе нужен гений, Ник? Ты его получишь. Но потом не обижайся...»

Цифра – это свобода! Эпоха Цифры – это эпоха свободы! Золотой Век, к которому стремился измученный мир. Эра братства и любви, эра добра. Нет границ. Нет преград. Нет ограничений и нет секретов. Никто не сможет скрыть информацию, потому что каждый способен узнать все, что захочет. Цифра – это свобода!

На этот раз они выбрали дом в трущобах, на самой окраине Анклава Эдинбург, в районе потерянных и потерявших все людей, дети которых копошились на городских помойках, а жены торговали собой в соседних кварталах чуть более удачливых ребят. Они остановились рядом с теми, кто был готов принять любую идею, лишь бы изменить хоть что-нибудь в своей поганой жизни, рядом с теми, кто охотно выйдет на улицу и не побоится кинуть в витрину камень, рядом с отбросами, составляющими «золотую гвардию» любой революции.

– Пожалуйста, не шевелитесь! – Пума замерла, дожидаясь, когда луч сканера познакомится с сетчаткой ее глаза, а услышав: «Все в порядке», потянула на себя открывшуюся дверь.

Со стороны улицы «Клещи» являлись круглосуточной пивной с борделем на втором этаже. Продажа любых наркотиков, кроме «синдина», идет почти официально. Цены «божеские», как раз для местных. «Свои» входят со двора – случайным людям ни к чему видеть, что в грязной трущобе появилась титапластовая дверь с электронным замком, сразу за которой сидят молчаливые парни с «дрелями» в руках.

– Привет, Ева!

– Привет!

– Слышали о Франкфурте, ты молодец.

– Спасибо.

Второй охранник молчит, внимательно слушая льющееся в «балалайку» Слово Сорок Два. Один из многих миллионов, впитывающих сейчас откровения цифрового пророка.

Нет ничего невозможного! Есть лишь недостаток воли, есть страх, что окутывает ваши души, не позволяя подняться на следующую ступень, не позволяя изменить мир, не позволяя изменить себя. Есть страх, которым отравляют вас власти и верхолазы. Страх перемен, страх сделать шаг. Думаете, вы первые, кто его испытывает? Нет. Тысячи лет назад наши предки тряслись от страха в пещерах, но решились сделать шаг. Они вышли и основали новый мир. Сотни лет назад наши предки плыли за огромные, казавшиеся безбрежными моря, через бури и ураганы. Они не испугались сделать шаг, покорили океан и заселили благодатные земли. Теперь настало наше время. Или мы идем вперед, или становимся животными.

После истории с похищением пророка было принято решение отказаться от постоянной, пусть даже и глубоко законспирированной базы. Безопасность могло обеспечить только непрерывное движение, бесконечная смена дислокации, поэтому тридцать наиболее проверенных и преданных пророку помощников, составляющих, если можно так выразиться, мобильный офис Сорок Два, колесили по свету, как перчатки меняя Анклавы, города, страны и континенты. Кочующая цифровая орда, замирающая на несколько дней и вновь устремляющаяся вперед. Задачей офиса было руководство движением, проводить операции в местах базирования Сорок Два запретил, чтобы не оставлять следов, но иногда разрешал помощникам порезвиться, и тогда следовал очень мощный удар. Например, неделю назад ломщики орды на шесть часов положили сеть Анклава Кейптаун. Просто так. Потому что могли это сделать.

Эпоха Цифры, вашу мать, эпоха свободы.

Движение мобильному офису пророка обеспечивали десятки людей: подыскивали подходящие помещения, снимали или покупали их, готовили транспорт и легенду. В каждый момент

времени у Сорок Два был выбор из пяти-семи точек, в которые он мог переместить орду. Немыслимый, если вдуматься, расход средств, но... но теперь проблемы с деньгами закончились. Контроль над dd открыл Сорок Два доступ к настолько большим финансам, что любое безумство казалось невинной забавой. Движение обрело могущество, и сейчас они делали вещи, о которых полгода назад и не мечтали. Сейчас они действительно строили Эпоху Цифры.

«Синдиновый» рай.

Ева с трудом подавила желание выругаться. Сдержалась, потому что... потому что еще не знала, чего хочет. Не сумела понять за то время, которое прошло после встречи с проклятым Скоттом.

«Синдин» убивает, но ведь Красная умерла не от него, а за идею. Умерла, потому что верила в Сорок Два. И Крюгер умер. И те машинисты, которых истребили прежние лидеры dd, и еще сотни людей. И ведь она сама верила. И продолжает верить в Эпоху Цифры, в эпоху всеобщей свободы, равенства и братства. В новый мир. В Золотой Век.

Продолжает?

Да.

Или же просто не готова отказаться от идеи, которая вела ее несколько последних лет?

Власти лгут! Верховлазы лгут! Они скрывают правду, скрывают информацию, потому что ложь позволяет управлять. Если ты не знаешь, ты не возмущаешься. Если о тебе знают всё, ты под контролем. Это игра в одни ворота, подавление воли, рабство. Мы не хотим быть рабами, мы говорим – нет! Власти придумали «балалайки», надеясь превратить людей в стадо послушных животных, но мы оказались сильнее. Мы превратили ошейники в символ свободы, перековали кандалы на мечи и ударили ими надсмотрщиков. Ты хочешь быть свободным? Будь им! Ты хочешь знать всё? Знай! Прими троицу, потому что троица – это свобода!

Многое, очень многое изменилось за последние недели.

Тексты для Слова Сорок Два теперь сочиняла парочка эрудированных ребят – движение ширится, и речам следует звучать профессионально. Слово должно четко ложиться в головы последователей и привлекать новых адептов. Никаких импровизаций, никаких накладок и никаких прямых обращений – только запись. Поэтому, когда Пума вошла в комнату для совещаний, Сорок Два уже сидел за столом в компании Саймона Хоста. А Слово продолжало течь в «балалайки» адептов.

Свобода – это быть собой и жить в мире, который тебя любит. Жить в мире, который тебя понимает. Жить в мире и быть его частью, наслаждаться им, а не получать подачки от верховлазов и властей. Троица сделает тебя великим. Троица сделает тебя человеком...

Первым среагировал на появление девушки Саймон.

– Пума! – Вскочил со стула, подошел, взял за руку. – Рад тебя видеть.

Как всегда, элегантен: шелковая сорочка, отутюженные брюки, начищенные до блеска туфли. На его фоне Сорок Два, который год остающийся приверженцем футболок, штанов с накладными карманами и грубых армейских башмаков, выглядел заурядным обитателем трущоб. И новый облик Саймона нравился Еве больше прежнего: после визита к пластику у молодого брүнета появилось узкое, «породистое» лицо с высокими скулами, немного вытянутым подбородком и тонким носом с маленькой горбинкой. Дополняла портрет идеально выверенная полоска черных усов. Ну, и запах дорогого одеколона, конечно. Одним словом – аристократ.

Саймон был ветераном движения, примкнул к Сорок Два, когда тот только-только подбирался к открытию троицы. Все эти годы стоял рядом, зарекомендовав себя не только отличным машинистом, но и не менее хорошим менеджером.

– Привет.

Сорок Два тоже поднялся и молча, чуточку неловко, поцеловал девушку в щеку.

– Как тебе Слово?

– Сильно, – честно ответила Ева.

Ей действительно нравились новые речи – ударные и яркие. Профессиональные.

«Но насколько они искренние?»

– Мы как раз говорили с Саймоном о том, что сегодня практически не упоминался Мутабор – один из главных врагов Эпохи Цифры. – Сорок Два отпустил девушку и прошелся вдоль стола. Обстановка в совещательной комнате была спартанской: длинный стол, восемь стульев и коммуникатор на стене. Стены чистые, светлые, покрасили перед прибытием орды, однако без окон веселенький беж немного терялся, выглядел тускло. Без окон любая комната кажется бункером или камерой. – Люди должны привыкнуть к мысли, что Мутабор будет разрушен. – Пророку очень нравилось переиначенное высказывание древнего римлянина, он даже повторил: – Мутабор должен быть разрушен!

И взмахнул кулаком.

– Стратегически неверно замыкаться исключительно на храмовниках, – подал голос Саймон. – В Слове ты развиваешь идеи движения, указываешь путь, даешь людям направление. Наша цель – Эпоха Цифры, а не развал храма.

– И развал храма тоже, – не согласился Сорок Два. – Мы не прекратим давления до тех пор, пока они не одумаются. – Он перевел взгляд на Еву: – Как считаешь? Кстати, ты отлично поработала во Франкфурте.

– Спасибо.

– Прямые трансляции шли по всем основным каналам.

Он искренне считал, что это очень важно. Зато не знал имени убитого доктора. Доктора Заура. Доктора Скотта...

– Всего лишь оплеуха, – махнул рукой Саймон. – Ничего личного, Пума, ты поработала на славу, но подобными акциями храмовников не свалить.

– Вот именно – не свалить! – перебил Хоста разгорячившийся пророк. – Против Мутабор должны выступить все, от мала до велика! Все должны понять, что Эпоха Цифры и Мутабор несовместимы. А поскольку человек Эпохи Цифры есть человек будущего, следующая ступень развития, личность, приблизившаяся к богу, то храмовники – не просто отрицающие этот факт фанатики, они – не люди. Вот что мы должны донести до мира: храмовники – не люди! – Сорок Два победоносно посмотрел на помощников. – Именно поэтому меня не устроило сегодняшнее Слово: мы не плюнули в Мутабор.

Несколько дней назад пророк тоже выражал недовольство содержанием Слова, тоже ругался. Тогда Пума решила, что он просто выпускает пар, а сейчас вдруг подумала: сам ли Сорок Два начитывает свои речи? Или его голос моделируют, чтобы не отвлекать руководителя движения от важных дел? А он иногда даже забывает просмотреть заготовленный текст...

Все меняется.

– Ну, хорошо, допустим, мы вдолбим нашим людям понимание того, что храмовники не имеют права на существование, – согласился Саймон. – Но что дальше? В любом случае тактика не приносит плодов – Мутабор получил кучу оплеух, но ведет себя так, словно ничего не происходит.

– А меня беспокоит, что СБА не чешется, – негромко произнесла Пума. – Фактически мы убиваем работников корпорации, а безы даже с заявлением на эту тему не выступили. Все нападения рассматриваются как стихийные выступления хулиганствующих толп.

Сорок Два неопределенно пожал плечами.

– Полагаю, СБА, так же как мы, считает, что Мутабор производит «синдин», – протянул Саймон. – Этим и объясняется бездействие: Моратти ждет, что храмовники прибегут к нему за защитой.

– И он выдавит из них секрет «синдина»?

– Ага.

– То есть мы действуем на руку безам?
– Мы ждем, с кем решит договориться Милостивый Владыка.
– Но если храмовники отдадут секрет «синдина» СБА, то...
– Кому угодно! – неожиданно выдал Сорок Два.
– Что? – Ева ошарашенно уставилась на него. – Кому угодно?
– Кому угодно! – повторил пророк. – Главное, чтобы секрет производства «синдина» покинул Храм, а кому они его откроют – не важно: нам, СБА, «Фарма-1» – плевать! То, что знают двое, знает и свинья. Мы не можем подкупить храмовников или забраться в их компьютерную сеть, но как только секрет выйдет за стены Мутабор, мы его узнаем. И тогда никто и ничто не сможет нас остановить.

Ева вздрогнула.

«„Синдин“ убивает...»

– Логично, – признал Саймон.

Сорок Два с некоторым удивлением посмотрел на промолчавшую Пуму, после чего развил мысль:

– Мы должны усилить давление, должны нанести по-настоящему серьезный удар, такой удар, чтобы Мутабор покачнулся. Нет! Не покачнулся, а встал на колени! Мутабор должен быть разрушен! Я так хочу!

И Ева неожиданно для себя подумала, что всемогущество крепко дает по мозгам. Сорок Два полугодовой давности не сделал бы такого заявления. Не вел бы себя как взбесившийся фюрер, не призывал бы к тотальному уничтожению инакомыслящих. Но тот Сорок Два, у которого была лишь кучка последователей, горящие глаза и неясное будущее, остался в прошлом. Он вырос в другого Сорок Два, в сильного и уверенного пророка, контролирующего межконтинентальную сеть наемников, огромные финансовые потоки и имеющего в своем распоряжении пять «Тек-9», благодаря которым армия тритонов растет не по дням, а по часам. Сорок Два никогда не говорил, откуда появились «Теки», ограничившись коротким: «Заклучил сделку с Дьяволом и оплатил ее пятью миллиардами». Но только ли деньги пошли в оплату? В старых сказках Дьявол охотился за душами людей.

– Гм... звучит весомо, – произнес Саймон.

Судя по всему, он просто устал спорить.

– А ты что скажешь? – Сорок Два тяжело посмотрел на Пуму.

«Ты знал о том, что „синдин“ убивает?!»

Нет, с губ Евы сорвались другие слова:

– Я тоже обратила внимание на странную реакцию Мутабор, но я не сказала бы, что они никак не реагируют. Да, храмовники почти не отвечают ударом на удар, не клянут Сорок Два на каждом углу и не требуют от СБА защиты. Они уходят.

– Значит, тактика приносит определенные плоды?

– Сейчас я говорю о другом. – Пума помолчала. – Мне кажется, Мутабор замышляет серьезный ответ, такой, чтобы это мы покачнулись. Или оказались на коленях. Мне кажется, Мутабор сознательно приучает нас к безнаказанности, надеясь, что мы окончательно потеряем голову и раскроемся. И тогда они врежут.

– Любопытное замечание, – хмыкнул Саймон. – Ты молодец, Ева.

А вот Сорок Два интересовало другое:

– Хочешь сказать, что я потерял голову?

– Хочу сказать, что нужно быть осторожнее.

– Мы не можем ждать. – Вопрос, судя по всему, был решен еще до совещания. – С сегодняшнего дня ты занимаешься только планами грандиозной атаки на Храм. По всему миру! Как в тот день, когда мы остановили экономику планеты. Мы разнесем Мутабор на куски и получим свой «синдин»! Ева! Только ты способна сделать это. Только ты!

Несколько долгих секунд Пума смотрела Сорок Два в глаза, после чего кивнула и тихо пообещала:

– Я сделаю. – И поднялась на ноги. – Извини, я немного устала во Франкфурте.

«„Синдин“ убивает. Ты знал об этом?»

– Отдыхай. – Сорок Два проводил девушку взглядом, дождался, когда дверь захлопнется, и после этого повернулся к Хосту: – Тебе она тоже показалась странной?

– Ева до сих пор переживает смерть Красной, – негромко заметил Саймон. – Они были близки.

– Я знаю, – ровно ответил пророк.

– А еще на Пуму сильно повлияла смерть Кена, – продолжил Хост. – Она два дня ходила сама не своя.

– Кен? – Сорок Два не сразу понял, о ком говорит помощник. – Кен... Ах да, высокий парень из машинистов. Кен умер?

Всё меняется.

Когда-то пророк знал каждого своего последователя, знал, чем тот дышит, о чем беспокоится, чему радуется. Теперь же не заметил исчезновения парня, входившего в ближайшее окружение.

– Кажется, он был молод?

– Врачи сказали, что у Кена скоротечно развился рак.

– А почему Пума расстроилась?

На этот вопрос Хост ответить не смог. Пожал плечами, встал со стула и направился в угол, где поблескивала металлизированным пластиком пузатая кофеварка. Не хотел, чтобы пророк увидел появившееся на лице выражение.

Мертвый Кен, мертвая Красная, странная Пума... Сорок Два с некоторым удивлением покосился на разбирающегося с кофеваркой помощника. Неужели они не способны думать о более важных вещах? Ведь каждый день приносит множество новых проблем, и глупо тратить время на воспоминания о тех, кто не в силах помочь справиться с ними.

«Они не вынесли испытания настоящим делом. Они мыслят подвалами и подпольем, а мы вышли на принципиально другой уровень».

Нужна новая команда, но где ее взять? Новую команду следует растить, пока же придется обходиться тем, что есть.

– Саймон, – негромко позвал Сорок Два.

– Я слушаю, – не оборачиваясь, отозвался Хост.

– Мне нужна Станция.

– Нереально.

Хост отозвался так непринужденно, словно давно ожидал предложения взломать самый защищенный в мире объект. Ничуть не удивился.

– Я знаю, что нереально, но она мне нужна, – продолжил пророк. – Информация о новой энергии станет дополнительным козырем и многократно усилит движение. К тому же если кто и способен взломать Станцию, то только мы.

Саймон вернулся за стол, хлебнул кофе и повторил:

– На самом деле нереально.

На всех форумах ломщиков висели бессрочные анонимные контракты на взлом Станции, и указанные в них цифры могли заставить забыть даже о том, что играть придется против самого Мертвого. Немыслимые деньги за достоверную информацию. Пусть даже не эксклюзивную. Сломайте и выкладывайте добытое в общий доступ – мы согласны. А за эксклюзив заплатим в два раза больше. Только сломайте, мать вашу, только сломайте!

Кто стоит за контрактами, понятно: корпорации, с которыми Мертвый не спешил делиться секретами, и государства, опасавшиеся небывалого усиления Анклавов. Однако как

взломать то, что не имеет выхода в общую сеть? Проставленные в контрактах суммы манили нереальным светом, но результата не было – за все эти годы никто не смог пролезть во внутреннюю сеть Станции.

– Помнишь, я говорил о Дьяволе, который продал мне «Теки»? – Сорок Два пристально посмотрел на Хоста. – Теперь он предлагает помощь в проникновении на Станцию. Ему нужна информация, а значит, ему нужен великий ломщик.

– Я не великий, – вздрогнул Саймон.

– Ты мог бы им стать, если бы не появилась троица, – убежденно заявил пророк. – Ты необычайно талантлив. Ты...

– Подожди, подожди, давай перестанем меня нахваливать. – Хост покрутил головой. – Во-первых, что за Дьявол?

– Я ничего о нем не знаю, – мгновенно и очень искренне ответил пророк.

– Но доверяешь ему.

– Он добыл «Теки».

Сорок Два не собирался рассказывать, что речь идет о разных Дьяволах.

– Чем заставил тебя начать войну со всем миром, – заметил Саймон.

– Согласись: пока все идет неплохо, – хохотнул пророк. – Мы изрядно приблизили Эпоху Цифры, сделали за несколько недель больше, чем за десять предыдущих лет.

Оспаривать это утверждение не имело смысла.

– Гм... допустим.

– А сейчас ему нужна Станция. И нам она нужна.

– Ты уверен, что мы сможем ее поделить?

– Я уверен, что после взлома от тебя попытаются избавиться.

– Спасибо за искренность.

– Можно подумать, ты этого не понимал. – Сорок Два подвинул стул еще ближе, и теперь его горящие глаза и лицо Саймона разделяли каких-то сорок сантиметров. – Дьявол уверен, что редуты Мертвого способен пройти лишь гениальный ломщик, и я с ним согласен. Внутри Станции потребуется художник, а не просто мастер, и ты – тот человек, который нужен. Я считаю тебя подлинным художником сети.

– Спасибо за лестную характеристику, – хмыкнул Хост, – но ты, кажется, упоминал убийство?

– Ты обвел вокруг пальца Алоиза Хана, одного из псов Моратти, неужели не сможешь кинуть еще одного лоха?

Саймон задумчиво побарабанил пальцами по столешнице.

– Автономная операция?

– Ты присоединишься к группе, которую собрал Дьявол.

– И он уверен, что сможет провести меня на Станцию?

– До сих пор Дьявол не обманывал.

– Ну... – Саймон вновь покрутил головой. – Интересное предложение.

– Ты согласен?

– Я должен подумать.

* * *

Территория: Россия

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13

Кайфоград

Если количество проблем растет, значит, это кому-то нужно

– Сегодня будет обычная акция, майор, – твердо произнес Бромберг, глядя Эмире в глаза. – Веселая, яркая, шумная, но обычная. Ничего запрещенного, опасного или агрессивного.

– Ваши акции всегда агрессивны, господин Бромберг, – холодно отозвалась Го.

Они разговаривали на главной площади «Остановим Ад!», в самом центре палаточного поселения «зеленых». С одной стороны – два бронированных внедорожника «ГАЗ Тайга» с пулеметными турелями на крышах, десяток затянутых в черную униформу ОКР спецназовцев и Эмира в полевой форме без знаков различия. С другой – улыбающийся Бромберг в тонком розовом комбинезоне и целый муравейник экологов, не обращающих на переговорщиков никакого внимания.

– Мне нужны гарантии, что сегодня вы обойдетесь без обычных провокаций.

– Какова болезнь, таковы и методы лечения, – ответил Бромберг.

Он вообще держался весьма уверенно, несмотря на то что Эмира Го являлась одним из заместителей военного коменданта Кайфограда полковника Приходько и теоретически могла вышвырнуть Бромберга с «особо охраняемой территории» в двадцать четыре часа.

– Станция – не болезнь.

– Согласен, майор, Станция гораздо хуже болезни. Она уничтожит мир.

– Отто, вы ведь знаете, что мне Уставом запрещено выслушивать пропаганду и уж тем более поддаваться ей, – улыбнулась Эмира. – Не тратьте время.

– А вдруг я смогу достучаться до вас?

– Устав сильнее.

– Но ведь вы человек!

Отто Бромберг был ветераном «зеленой» осады Станции, появился около нее одним из первых, являлся создателем «Остановим Ад!» и его бессменным лидером. Тем не менее, даже возглавив самую известную «зеленую» организацию планеты, Бромберг не поменял приоритеты и по-прежнему проводил почти все свое время около Станции. Высокий, худой, похожий на суетливую цаплю, он буквально заражал своими идеями слабые души.

– Вам безразлична судьба Земли?

– Я не думаю, что Станция способна разрушить планету.

– А я – думаю. И у меня есть доказательства! Независимые эксперты уверены, что верхолазы врут! Они обманывают...

Традиционный утренний объезд Кайфограда Эмира всегда начинала с палаточного городка. Во-первых, привыкшая к порядку Го двигалась последовательно, от огромного и продолжающего разрастаться лагеря «зеленых», находящегося к северу от Кайфограда, до южных окраин. Во-вторых, в последнее время именно «зеленые» настораживали Эмиру больше других. Не беспокоили – сорвиголов в Кайфограде более чем достаточно, беспокойства хватало, – а именно настораживали. Эмира чувствовала, что «зеленые» замышляют нечто глобальное, и старалась почаще появляться в лагере.

– Но раз вам плевать на Землю, расскажу о другом: вчера мы установили еще тридцать транспарантов вдоль первой линии их обороны, – с гордостью сообщил Бромберг. – Через неделю надеюсь замкнуть периметр.

Строительство, на которое смотрит весь мир, окружат враждебные лозунги: «Остановитесь!», «Вы убиваете Землю!» и далее по списку.

А за спиной Отто «зеленые» наполняли газом разноцветные шары с такими же лозунгами. Когда ветер подует в нужную сторону, их выпустят на Станцию. К шарикам привязывали небольшую емкость с краской, и фасады всех высотных сооружений, включая Теплый Дом, ЛТП-1 и купол Главного Энергоблока, давно украсились игривыми пятнами. словно их обгадили нажравшиеся химии чайки.

– Мне доложили, что вчера ваши люди вновь подрались с безами.

– Безы избили устанавливающих плакаты ребят, – немедленно ответил Отто. – Вы ведь знаете наши принципы, майор, – никакого насилия.

Что верно, то верно – никакого насилия.

Первые «зеленые» появились у Станции через неделю после того, как верхолазы объявили о ней миру. К тому времени строительство шло уже несколько месяцев, безы успели возвести первый периметр, поэтому внутрь экологи не попали. Впрочем, тогда они особенно и не рвались. Блуждали вокруг, поражая редких аборигенов свободными нравами, и позировали перед репортерскими камерами, заявляя, что «намерены убедиться в безопасности Станции». К зиме исчезли, с октября по апрель северная Россия – не самое приятное для жизни место, весной вернулись с подкреплением. Разбили первый лагерь, тогда он находился гораздо ближе к центру Кайфограда, установили огромный плакат: «Остановим Ад!» – и принялись доставать безов театральными выходками. Слоновски, надо отдать должное, к появлению радикалов отнесся спокойно. Стрелять запрещал, рекомендовал пользоваться дубинками и постепенно приучил «зеленых» к мысли, что количество выбитых зубов и сломанных конечностей обратно пропорционально расстоянию до периметра. Гораздо больше «зеленых» доставали собравшиеся в Кайфограде «крутые». Столкнувшись с необходимостью отстраивать городок и налаживать хоть какую-то инфраструктуру, «крутые» по привычке принялись искать, кого бы напрячь, быстро смекнули, что незащитные «зеленые» идеально подходят на роль рабов, и начали силой сгонять экологов на строительные площадки. С этим беспределом ОКР справиться удалось, однако воровство «зеленых» женщин продолжалось весь сезон. К зиме количество похищений снизилось – большая часть экологов опять улетела в теплые страны, а весной, к удивлению Эмиры, сошло на нет. Следующей весной «зеленые» вернулись победителями: все без исключения «крутые» получили от своих боссов приказ не трогать «Остановим Ад!». Кто именно покровительствовал «зеленым», Эмире выяснить не удалось – не на том уровне она находилась, однако поняла, что распоряжение идет с самого верха.

С тех пор палаточный лагерь только и делал, что рос. Этой зимой в нем оставалось около трех тысяч человек, сейчас же количество «зеленых» перевалило за десять тысяч и продолжало расти. И все они искренне считали Станцию порождением дьявола.

Весомая, если вдуматься, сила.

– Вы закончили? – осведомился Бромберг.

Эмира еще раз оглядела площадь, веселых экологов, парочку снимающих их действия репортеров и кивнула:

– Никакого насилия?

– Никакого, – твердо пообещал Отто.

– В таком случае – до следующей встречи.

– Увидимся!

Кайфоград вырос, можно так сказать, из ничего: из пары домишек, что оказались за чертой полигона № 13, из заброшенного и всеми позабытого поселка. Не мог не вырасти, потому что большое строительство во все времена означало большие деньги и большое количество оторванных от дома рабочих, мечтающих оттянуться после трудовой смены.

И Кайфоград вырос.

Первые его контуры появились задолго до официального объявления о строительстве Станции – от людей ведь не укроешь столь масштабное предприятие. Едва «Науком» двинул на Кольский полуостров рабочих и тяжелую технику, как среди первых, еще временных поселений строителей принялись крутиться скользкие ребята с широкими улыбками и бездонными карманами, из которых извлекались бутылки со спиртным, пригоршни веселящих таблеток и одноразовые шприцы, наполненные отнюдь не физраствором. Девочки обслуживали жаждущих в автомобильных фургонах. Чистый капитализм: есть спрос – есть предложение.

Веселая юность Кайфограда продолжалась недолго – как только на Станцию прибыл Слоновски, пушеры и сутенеры мгновенно вылетели за периметр, – однако слух о богатом строительстве уже пошел, и к тринадцатому полигону потянулись заинтересованные лица: продавцы легкой жизни, проститутки, бандиты и разведчики. Начали подниматься дома, в которых размещались ночные клубы, стриптиз-бары, дискотеки, наркопритоны и казино. А еще штаб-квартиры спецслужб и даже небольшие научные центры, загадившие местность огромным количеством датчиков. Следующей весной в Кайфограде высадился мощный десант репортеров со всего света, и стало окончательно ясно, что снести присосавшуюся к строительству клоаку не получится – в существовании городка были заинтересованы все.

Кто-то делал в нем деньги, а кто-то пытался получить хоть какую-нибудь информацию о Станции. Любую информацию: обрывки фраз, слухи, сплетни, оговорки, что допускали упившиеся работяги, – каждое слово анализировалось в разведывательных центрах мира, обдумывалось и систематизировалось. Все спецслужбы планеты пытались собрать свой пазл под названием «Станция», а потому Кайфоград процветал...

– Вот сюда, пожалуйста, товарищ майор. Пожалуйста, – суетился Залипухин. – Осторожненько, пожалуйста, товарищ майор, не наступите, извините, в дерьмо.

Эмира брезгливо перешагнула через жижу.

– Вы уж простите, товарищ майор, у нас тут удобств нет никаких, вот людишки и творят, чего пожелают.

– Далеко еще? – Голос из-под респиратора звучал приглушенно, однако начальственные нотки в нем читались весьма отчетливо. Эмира выражала неудовольствие тем, что бродяги не притащили находку к дороге, заставив ее, офицера ОКР, тащиться в глубь свалки.

– Пришли почти, товарищ майор, совсем два шажочка осталось, и... Вот тут мы его положили, смотрите, пожалуйста, товарищ майор.

Покинув экологов, кортеж отправился в «Вонючку» – поселение бродяг у котлована, выкопанного строителями Станции по просьбе муниципальных властей и уже почти полностью забитого мусором. Располагалась «Вонючка» между лагерем «зеленых» и официальной чертой города, местом считалась тихим – никого, в том числе и Эмиру, внутренние дела бродяг не волновали, а заехать пришлось, потому что предводитель бродяг, Алексей Федорович Залипухин по кличке Полфлакона, прислал Эмире неприятное известие.

Главный бродяга откинул прикрывающий тело брезент и подобострастно осведомился:

– Он?

Го бросила взгляд на лицо покойника и кивнула.

– Я сразу его узнал, товарищ майор, – засуетился Полфлакона. – Прямо сегодня утречком нашли, да... Вчерашние кучи разгребать начали, ну там, вдруг чего нужное выбросили или съедобное, вы ведь понимаете, товарищ майор, мы все тщательно разгребаем, и эту кучу тоже... Вдруг смотрим – нога торчит. В ботинке, как полагается. Потом всего откопали. Сначала не опознали, у моих-то с головой так себе, чего было, кого видели – не упомнят...

Самогон, который бродяги гнали из найденного в мусоре дерьма, сшибал с ног и крепко давал по мозгам. Настолько крепко, что, даже будучи трезвыми, они не всегда понимали, чего от них хотят. Впрочем, для тех работ, на которых их использовали, особого ума не требовалось.

– Ребята меня позвали, а я сразу смекнул, что это Мурат Шоколад, – продолжил Залипухин. – Хороший человек, мы в его клубе каждый месяц канализацию чистим.

А еще Мурат был одним из осведомителей Эмиры, и его смерть была вызовом – до сих пор никто из понаехавших в Кайфоград «крутых» не трогал официальных осведомителей ОКР.

– Нам плюнули в лицо, – негромко произнесла стоящая на шаг позади Эмиры Фатима Тураева.

– Согласна, – тихо ответила Го.

В Кайфограде ни у кого не было единственного хозяина, и Шоколад, само собой, работал не только на Эмиру – если чего узнавал, то старался донести интересные сведения до разных ушей, платили бы деньги. Однако все знали, что клуб Шоколада находится под защитой ОКР и решать возникшие проблемы нужно через Эмиру и никак иначе.

– Похоже, в городе завелся самоубийца, – добавила Фатима.

– Или же кто-то не боится ОКР.

– Товарищ майор, – подал голос Полфлакона. – Так мне за находочку полагается чего, али как? Мы, конечно, понимаем, дело государственной важности, и мы, как граждане, обязаны...

– Деньги или жратва? – перебила бродягу Эмира.

– Денежки, если можно, – осклабился Залипухин.

Го протянула ему несколько купюр, после чего повернулась к Фатиме:

– Прикажи забрать тело, похороним Мурата как положено.

* * *

Анклав: Франкфурт

Территория: Palmenviertel

Собор Святого Мботы

Старые привычки плохо сочетаются с новыми заботами

– Сорок Два и раньше не особенно жаловал храмовников, но в последнее время едва ли не открыто призывает к их уничтожению.

– И что? – лениво поинтересовался Джезе. – Пусть от этих проблем у СБА голова болит. И у храмовников, чтоб их духи Лоа поимели.

Позади коммуникатора, на экране которого торчала озабоченная физиономия монсеньора Джошуа Таллера, томно ласкала себя Зара. Московский архиепископ Католического Вуду позвонил, мягко говоря, не вовремя, но отказать в разговоре Джезе не мог – накинуд сорочку, уселся к монитору, однако то и дело поглядывал на расположившуюся на кожаном диване соблазнительницу.

– В Занзибаре появились агитаторы, – хмуро продолжил монсеньор Джошуа. – Подбивают народ идти на Мутабор. Люди слушают их, а потом спрашивают: как реагировать? А я спрашиваю тебя.

Потому что дело слишком щекотливое, чтобы решать самому. Если тритоны и в самом деле готовят мощную атаку на Мутабор, то монсеньоры должны согласовать позицию, объяснить пастве, угодно ли данное безобразие духам Лоа или следует остаться в стороне. Только вот позиций у высших иерархов Католического Вуду может оказаться две: разногласия между Ахо, настоятелем храма Иисуса Лоа, и баварским архиепископом Папой Джезе зашли слишком далеко.

– Ты должен высказаться, Джезе, люди ждут.

Заре надоело поглаживать ноги. Она медленно подняла юбку и запустила правую руку меж полных бедер. А пальцы левой руки задумчиво теребят грудь, еще прикрытую полупрозрачной блузой.

– Думаю, мы не должны поддерживать атаку на Мутабор, – растягивая слова, произнес Папа и провел рукой по шее.

– Храмовники относятся к нам хуже, чем к мусульманам, – осторожно напомнил Джошуа. – Больше они ненавидят только тритонов.

Рот смуглянки приоткрыт, язык играет с полными губами.

– И тем не менее мы не должны поддерживать атаку, – с нажимом повторил Джезе.

– Почему?

– Потому что мы, дружище Джошуа, такие же странные и непонятные обывателям существа, как и храмовники.

Блузка уже на полу, и взгляду Папы открыта прекрасная, крепкая грудь с крупными черными сосками. Пальцы архиепископа сжимаются в кулак, однако Таллер думает, что жест стал следствием их разговора.

– Не согласен! Мутабор – закрытая секта, а мы контролируем целые страны и больше двух миллиардов человек. Миллиарды обывателей, Джезе! Это противоречит твоим словам. Мы понятны людям.

А как еще мог ответить истинно верующий?

– В данном случае, дружище, размер не имеет значения. Наша молодая и сильная вера делает нас непонятными для индусов, мусульман и китайцев. На нас легко указать пальцем, так же, как сейчас указывают на Мутабор.

– Мы этот палец откусим.

– А сколько зубов потеряем? – Джезе бросает взгляд на затвердевшие соски Зары. – Я считаю, что атака на Мутабор – только начало. Кто-то хочет раскачать лодку, и мы не должны помогать этому. – Тоненькие трусики летят на пол. В комнате отчетливо пахнет желанием. – А что Мертвый?

– Сказал, что беспорядки в Москве исключены.

– К его словам следует прислушаться, Джош. Если Мертвый гарантировал храмовникам защиту, атаки захлебнутся в крови.

– Знаю, – недовольно протянул Таллер. – Ты выступишь с заявлением?

– До конца дня.

– Спасибо, Джезе.

– Да благословит тебя ближайший дух Лоа, дружище.

Папа отключил коммуникатор, и обнаженная, разгоряченная Зара мгновенно оказалась у его кресла. Прижалась щекой к коленям, игриво провела руками по бедрам.

– Продолжим?

– Охотно, – улыбнулся Джезе. – Старина Джош нарисовался совсем некстати.

– Твои дела важны, Папа.

Архиепископ закрыл глаза.

– Да уж, важны... не то что раньше.

Когда-то о жизнелюбии баварского архиепископа слагали легенды, а любовью с податливыми мамбо Джезе занимался два-три раза в день. Теперь же он почти все время проводил за письменным столом и на бесконечных деловых переговорах, сменив любовные интрижки на хитроумные политические комбинации. Окружающие связывали перемены со смертельным противостоянием, которое Папа вел с Ахо, однако Зара знала правду – Джезе изменился после поездки в Москву, после встречи с той худенькой сучкой, которая похитила его сердце. До этого война с лидером Католического Вуду не мешала Папе жить полной жизнью.

– Ты должен отвлечься, – прошептала Зара, целуя руку мужчины. – Ты слишком напряжен.

И почувствовала его желание. Не страсть, не любовь, только желание. Ну, и еще, может быть, симпатию. Джезе хотел ее, но то был заурядный инстинкт, желание выпустить пар – окажись на месте Зары любая другая мамбо, Папа среагировал бы так же. Ни следа того веселого огня, что горел раньше, ни намек на ту безумную страсть, что едва не спалила каменные своды московского собора Тринадцати Пантеонов. Ничего, кроме инстинкта. Худенькая сучка украла и сердце, и душу, и огонь. Стала для Джезе единственной, и ее лицо всегда будет стоять перед глазами Папы.

– Хорошо, – прошептал архиепископ, – хорошо...

Он погладил девушку по плечу, затем чуть сжал пальцы и потянул, заставляя встать на ноги. Чувствуя себя проституткой, Зара послушно поднялась с пола и переместилась на колени Джезе. Прижалась к нему, обняла за шею, нежно укусила мочку уха и зарылась лицом в густые, соломенного цвета волосы мужчины, которого обожала. Который предпочел ей другую.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

«Фабрика домашних любимцев»

Быть одиночкой – это не выбор, а проклятие

Нужная ветка метро оказалась обесточенной. То ли действительно авария, как сообщали информационные экраны и экстренные новостные пакеты, то ли тритоны хулиганят. Второе, впрочем, сомнительно – все знали, что Кауфман жестоко расправляется с последователями Сорок Два, но... но ведь их еще поймать надо. Количество безов не растет, а тритонов с каждым днем становится больше.

«Ориентировочное время восстановления движения – два с половиной часа. Пользуйтесь наземными видами транспорта».

Цифровой диктор грустно улыбался и отсылал недовольных людей на переполненные улицы. Вышедший из квартиры Чайка недовольно хмыкнул, поразмыслил и спустился в подвал за «табуреткой», хозяин которой – обитающий на первом этаже Махмуд Кривицкий – охотно сдавал ее всем желающим за символическую плату. Если метро встало, то делать на проложенных над ним улицах нечего – трехэтажная магистраль и в обычные дни еле справлялась с потоком, а в случае аварии подземки вставала намертво. И единственной надеждой добраться до места оставалась юркая «табуретка», способная просочиться в самые незаметные щели.

Илья успел вовремя: едва он выкатил захваченный мопед во двор, как прискакал Скинушвили с пятого этажа и принялся орать, что давно договорился с Махмудом об аренде и наглый мальчишка обязан... Что именно он обязан, Чайка не услышал: сделал скандальному Скинушвили ручкой и выехал на запруженную улицу.

«Я вкладываю деньги в будущее! Я выбираю пенсионные программы „Первого частного банка корпоративных расчетов“».

С огромного экрана мечтательно улыбалась нанятая модель, одним своим счастливым видом раздражая стоящих в пробке людей. Какая пенсия? Какое будущее? Сообщения о взломах банков появлялись так часто, что на них перестали обращать внимание. А с тех пор как наиболее продвинутые тритоны научились собираться в виртуальные стаи, банкирам плохо помогали даже «поплавки», которые они впихнули во все свои железяки. Так что, если хочешь сохранить денежки до пенсии, храни их под матрасом.

И, словно подтверждая эту странную в Эпоху Цифры мысль, экран зарябил цветными всполохами, избавился от приторной счастливости и выдал стандартный лозунг сетевой шпаны:

«Цифра – это Свобода!»

Фразу дублировал знакомый каждому жителю Земли голос:

– «Цифра – это Свобода!»

А в углу экрана, чтобы даже самому последнему крестину стало понятно, о ком идет речь, красовалась подпись:

«Сорок Два».

В пределах видимости – экранов десять, не меньше, и повсюду одно и то же: «Цифра – это Свобода!»

Чайка стиснул зубы и, сообразив, что мобили впереди стоят слишком плотно, вырулил на тротуар.

Экраны вновь заморгали. Муниципальные машинисты вернули себе управление над информационной сетью и вывели собственный ролик:

– Внимание! СБА настойчиво рекомендует гражданам Анклава вживлять идентификационные чипы. Процедура бесплатная. Позаботьтесь о своей безопасности...

Последняя, мать ее, соломинка, за которую хватаются утопающие верхолазы. «Балалайки» полностью дискредитированы, их ломают ради информации, доступа к банковским счетам и просто так. Их ломают извне и переписывают сами пользователи. «Балалайки», еще вчера бывшие олицетворением стабильности цифрового общества, не устояли.

СБА немедленно внедрила «таблетки» – примитивные по сравнению с «балалайками», идентификационные чипы, не содержащие никакой лишней информации – только имя и личный номер. В мозгах «таблетки» эти сведения намертво спаяны с генетическим кодом обладателя, проверить соответствие можно за несколько секунд. СБА уверяла, что система идентификационных чипов надежна и поможет пережить нынешний хаос. Народ был уверен, что «таблетки» не ломают только потому, что они еще не особенно распространены. А как только безы окончательно перестанут обращать внимание на «балалайки», умельцы Сорок Два научат людей перепрограммировать новые гаджеты.

«Цифра – это Свобода!»

– Смотри, куда прешь, придурок!

– Сам смотри, идиот!

Из припаркованного мобиля выбрался высокий толстяк в белом. Точнее, в потном – на груди и под мышками расплзались неприятные пятна. Ехавший по тротуару Илья едва увернулся от столкновения.

– Зенки протри!

– Хотя бы в зеркало посмотрел, кретин!

– Ты кого дураком назвал, щенок?!

Чайка крутанул ручку, и мопед рванул дальше. Ну его на фиг, толстого урода, такой и пушку может достать.

«Цифра – это Свобода!»

То ли тритоны объявили на уличные экраны охоту, то ли машинисты плохо почистили систему, но все окружающие мониторы вновь изобразили главный лозунг сетевых террористов.

«Цифра – это Свобода!»

Сорок Два.

А свобода – это отсутствие запретов. Во всяком случае, так думает большинство людей.

«Это был неплохой мир, Сорок Два, но он оказался слишком хрупким... – вздохнул Чайка, съезжая на слегка расчистившуюся мостовую. – Посыпался с одного толчка».

Или же идеи Поэтессы оказались с гнильцой.

Подумал и вздрогнул: неужели это его мысль? А где же, мать ее, вера? Где тот паренек, что ночи напролет читал «Числа праведности», заучивая их наизусть? Где трепетное ожидание Эпохи Цифры? Где? Где оно осталось? В многолетнем бегстве от всех полицейских мира? В контрактах, которые заставляли его гробить одни корпорации в угоду другим? В Африке? В глобальном «стопе», что учинили тритоны несколько недель назад? В стихийных бунтах, что устраивали лишившиеся электронных сбережений работяги? Или в затонувшем круизном лайнере, которому не успели помочь только потому, что тритоны ломали все коммуникации того района? Четыреста, мать его, утонувших.

В чем причина того, что человек, которого все сетевое братство называет любимчиком Поэтессы, кривит губы при упоминании нейкизма, нейкистов, тритонов и создавшего их Сорок Два? Не испытывая при этом ничего, кроме усталости и презрения.

«Я всю жизнь боролся против мира, о котором теперь жалею».

«Цифра – это Свобода!»

Сорок Два.

«Вся жизнь – дерьмо, ребята. Вся жизнь – Африка!»

Хорошо, когда революция наступает вдруг. Когда доведенные люди выходят на улицы и сразу начинают войнушку. Хорошо, потому что думать не надо – стреляют ведь, спасайся, беги или стреляй сам. И плохо, когда власть теряет контроль постепенно. Бунт еще не начался, а ты уже видишь, к чему приведет революция. Видишь и ужасаешься. Если, конечно, способен абстрагироваться от революционных идей. Если способен критически посмотреть на идеалы. Если тебе кажется, что хаос и массовые жертвы не стоят новой эпохи. Если не считаешь кровь допустимой. И не потому, что ты пацифист, а потому что чувствуешь себя частью общества, и каждый человек кажется достойным жизни. Потому что противно видеть, как звереют люди, у которых отнимают настоящее. Потому что тошно от красных глаз вымотанных до предела безов, от постоянных уличных столкновений и подростков, которые колют «синдин» на глазах у всех. Для них, маленьких воинов большого Сорок Два, стать тритоном означает войти в крутую виртуальную игру и стать крутым героем.

Это всего лишь игра.

Мир угробил не Сорок Два, а виртуальность. Мир перестали воспринимать всерьез. Обдолбанным тритонам кажется, что можно сохраниться и вернуться назад после неудачного хода. Им кажется...

– Внимание! Принять вправо и приготовиться к проверке!

Это уже не экран, это надрываются динамики мобильного поста безов, тормозя только-только вырвавшиеся из гигантской пробки мобили.

– Внимание! Вы находитесь в зоне проведения полицейской операции! Попытка избежать проверки будет рассматриваться как сопротивление!

Дорогу перекрыли три броневика, позади них – фургон и четыре пикапа. Три десятка безов с переносными сканерами в руках быстро, но без спешки просвечивают всех, кто оказался на улице. Еще пятеро щеголяют в «саранче», держа наготове облегченные «ревуны» – все серьезно. Ни одна из машин мобильных постов и никто из безов не имеют выхода в сеть, связь только по радио. Эпоха, мать твою, Цифры.

– «Балалайка» или «таблетка»?

– «Таблетка».

– Правую руку, пожалуйста.

Безы московского СБА продолжают демонстрировать знаменитую «мертвую» вышколенность: пока человек готов сотрудничать, они вежливы и дружелюбны.

Илья протянул правую руку и терпеливо подождал, когда сканер назовет беглого каторжника законопослушным гражданином. За результат не опасался – не впервой, зато в очередной, который уже по счету раз удивился связям Кирилла, обеспечившего его самыми что ни на есть настоящими документами.

– Все в порядке, господин Соловьев. – Без убрал сканер и тут же вытащил из поясной сумки наперсток анализатора. – Указательный палец, пожалуйста.

Еще пара мгновений, и умная машинка сообщила, что в организме Чайки следы «синдина» отсутствуют. Что, между прочим, полностью соответствовало действительности.

– Проезжайте, господин Соловьев. – Без взял под козырек. – Спасибо за сотрудничество.

– Спасибо вам, – пробормотал Илья и, вырулив наконец на Садовое, взял курс на Таганку.

В прошлой жизни, несмотря на многочисленные опасности, подстерегавшие на каждом шагу, а может – благодаря им, у Чайки было много друзей. Настоящих друзей, таких, что за

тебя «в огонь и воду», поделится последним и не задумываясь прикроют в любой ситуации. Собственно, Илья и сам так дружил до тех пор, пока не стал жертвой предательства. Пока великий Арлекин, которого Чайка уважал и любил, считал братом-нейкистом и которому доверял, не сдал его китайцам. Тот случай превратил Илью в человека, у которого только одни интересы – свои собственные. И способного не задумываясь предать и подставить кого угодно.

«Я поступаю с ними так же, как поступили они со мной!»

Несколько лет этот лозунг помогал Чайке выживать и... затыкать совесть. Несколько лет великий ломщик жил по закону одинокого волка, безжалостно переступая через тех, кто ему верил. Несколько лет он был последней сволочью и наконец устал. То ли инстинкт самосохранения сдулся, то ли Африка отредактировала корневые каталоги.

Выйдя из тюрьмы, Илья понял, что больше не может быть один. А потом огляделся и с ужасом осознал, что из тех, старых и верных, не осталось никого. Кто-то умер, кого-то взяла полиция, остальных он предал. А новые его знакомые на роль друзей совсем не подходили. Патриция слишком холодна, Ганза и Рус чересчур увлечены работой, Кирилл – главный и никогда не позволит забыть об этом. Какое-то время Чайка рассчитывал подружиться с Олово, но быстро понял, что деликатный, предельно вежливый и дружелюбный Олово не задумываясь перережет горло любому, на кого укажет Грязнов.

Вот и выходило, что единственным человеком, которого великий ломщик Чайка мог назвать другом, был храмовник Корнелиус Ежов, владелец знаменитой на всю Москву «Фабрики домашних любимцев».

– Настойки глотнешь?

– Рюмочку?

– А это уж как пойдет, – расплылся в улыбке Корнелиус. – Вдруг понравится?

– Может быть, – не стал спорить Илья, принимая угощение. – Твое здоровье.

За те годы, что прошли с их последней встречи, Ежов совсем не изменился. Низенький, метр шестьдесят или около того, практически лысый – седые волосы росли лишь за ушами да на затылке, он казался безобидным и рассеянным, что в принципе было не так уж далеко от истины.

Корнелиус остался прежним, особняк на Таганке, как и раньше, привлекал внимание, ухоженным пятном выделяясь на фоне соседних построек, но внутри «Фабрики», как с горечью отметил Илья, царило запустение.

– Я четырех машинистов сменил, – рассказал Ежов, наполняя опустевшие рюмки. – Но ни один тебе в подметки не годился. – Добродушный взгляд в глаза. – Ты меня избаловал.

– Извини.

– Не за что.

– За встречу?

– За встречу.

Очередная порция домашнего самогона от лучшего московского зверодела мягко растворилась в теле.

– Еще по одной?

– Чуть позже... – Илья кивнул на пустое помещение. – Закрываешься?

– Приходится.

– Мало заказов?

– Много проблем.

Чайка с улыбкой вспомнил гомон, поразивший его во время первого визита на «Фабрику». Обитатели многочисленных клеток – любовно сконструированные Корнелиусом твари самого фантастического вида – шумно приветствовали гостей заведения, пытались их потрогать или укусить. Теперь же о былом великолепии напоминал лишь Барсик – агрессивная ящерица размером с крупную собаку, – который, к счастью, не позабыл старого знакомого.

- Что за проблемы? – спросил Илья, хотя прекрасно знал, что ответит Ежов.
- Тритоны.
- Я думал, здесь тихо.
- Вопрос в том, как долго здесь будет тихо.

В Москве нападения на храмовников случались в разы реже, чем в других Анклавах или государствах. Мертвый объявил, что все граждане Анклава имеют равное право на защиту, и заявление было понято правильно. Однако ситуация хоть и медленно, но продолжала ухудшаться.

- Почему вы не сопротивляетесь? Прятки способны запугать кого угодно.
- Владыка сказал, что нас должны или принимать, или не принимать. Он не хочет, чтобы нас терпели из страха.
- Почему?
- Потому что в следующий раз гнойник лопнет гораздо сильнее.
- Но ведь следующего раза может не быть! Передышка поможет людям опомниться и понять, что мы можем жить вместе.

«Черт! Я ведь в это верю!»

Причем – гораздо сильнее, чем в Поэтессу. В каждое слово, в каждое предложение. Мы можем жить вместе! И можем жить в мире. Ломтики и храмовники.

«То ли старею, то ли, мать ее, Африка...»

– Ты хороший парень, Илья, хотя старательно гроишь все доброе, что в тебе есть, – негромко произнес Корнелиус.

– Что выросло, то выросло, – вздохнул Чайка.

Но ему было приятно услышать эти слова от Ежова. От друга.

– Ты надеешься на лучшее, но закрываешь глаза на тот факт, что мы слишком долго шли в разные стороны, – грустно продолжил храмовник. – Владыка предсказывал, что когда-нибудь ваше терпение лопнет.

Это было правдой, но произнес ее единственный человек, которого Чайка называл в душе другом. И от этого Илье стало горько.

- Я не вижу в тебе ничего чуждого.
- Кроме моей веры.
- Я... я тоже верил... Верю.
- В Поэтессу?
- Поэтесса не богиня. Я верю в Эпоху Цифры.
- В наступление следующего этапа развития общества?
- Да.
- И как он тебе?

Нравится ли тебе информационный хаос, бесчинства тритонов и рушащаяся на глазах цивилизация? Доволен ли ты или считаешь, что чего-то не хватает? Ядерной войны, к примеру. Одним-единственным вопросом умный храмовник показал Чайке, что его вера рухнула, но сдаваться без боя Илья не хотел.

– А что для тебя вера, Корнелиус? В чем радость ощущать себя ничтожным червем, копошащимся у ног божества, до которого ты никогда не сможешь подняться?

– Какой ты еще, в сущности, мальчишка.

– Разве я не прав? Разве ты станешь богом? Поднимешься до уровня Владыки? Нет. Ты хочешь быть рабом? Но это не мой путь. – Чайка помолчал. И вдруг подумал, что в другой религии, в нейкизме, огромное количество людей без труда и хлопот достигло уровня сетевых богов. И все видят, к чему это привело. Подумал и потому закончил гораздо тише, без надрыва:

– Что для тебя вера, Корнелиус?

– Если бы я мог здраво и прагматично ответить на твой вопрос, я бы, наверное, не верил.

- Хорошая отговорка.
- Это не отговорка. Это объяснение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.